

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»: МОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИИ И КИТАЕ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

А.Н. Медушевский: Ключевые проблемы модернизации России и Китая: направления сравнительных исследований

Проблемы модернизации и глобализации в современном мире являются центральной темой не только в историографии, но и в политической повестке дня двух стран. Изучение российского и китайского опыта модернизации в XX – начале XXI в., во-первых, позволяет аккумулировать значительный теоретический материал – понять, что такое глобализация и модернизация, каковы их формы, какие из них являются более эффективными; во-вторых, дает возможность для сопоставления путей развития двух стран с учетом ошибок и достижений; в-третьих, открывает перспективы для прогнозирования этих процессов в будущем.

Журнал «Российская история» в последние пять лет регулярно обращался к данной тематике¹. Сквозь призму модернизации рассматривались такие проблемы, как утверждение и развитие русского абсолютизма, реформы и контрреформы в императорской России, Великая реформа и модернизация России, причины Февральской революции и Октябрьского переворота, природа советского строя и, в частности, сталинизма, российский конституционализм в истории и современности. В этом контексте с различных методологических позиций обсуждались особенности советской модели социализма и причины ее крушения, конкретные аспекты индустриализации, коллективизации, системы государственного управления, вопросы истории общественной мысли и альтернативных методологических подходов. Одна из важнейших тем, по которой в российской и мировой историографии продолжаются острые дискуссии – причины перестройки и крушения СССР.

До недавнего времени обсуждение этих сюжетов в российской историографии опиралось в основном на дискуссии предшествующего периода и вращалось вокруг вопросов, поставленных в 1990-е гг., решение которых в силу политической остроты не могло не иметь выраженного пристрастного характера. Огромное значение для изучения данной проблематики в отечественной исторической науке имели такие факторы, как отмена политической цензуры и деидеологизация, обращение к западной, прежде всего англо-американской историографии, «архивная революция», позволившая ввести в научный оборот значительный массив новых документов, наконец, усиление персональных контактов ученых разных стран, позволившее интенсифицировать дискуссии по самым острым проблемам, ранее являвшимся совершенно табуированными.

Особенности мирового развития в последние десятилетия – глобализация, крушение биполярной системы международных отношений, информационный феномен, альтернативные тенденции на постсоветском пространстве, а также расширение открытости и гласности в исторической науке России и Китайской Народной Республики (КНР) – позволили существенно расширить перспективы этих исследований. Выход Китая на мировую арену в качестве великой державы, во многом определяющей тенденции глобального развития, стал одним из самых заметных явлений новейшего времени. Китайский «феномен» не только стал предметом дебатов современных политологов и историков, но и поставил ряд новых вопросов, разделивших научное сообщество. В центре дискуссий в мировой и отечественной историографии оказалась прежде всего китайская модель модернизации. В сравнительно короткий период времени Китаю удалось не только преодолеть экономическую отсталость, но и добиться чрезвычайно высоких темпов развития при сохранении господства социалистической идеологии и однопартийной системы. В 1978 г., с началом реформ Дэн Сяопина, суть которых определялась как строительство «социализма с китайской спецификой», в аграрных отношениях был реализован переход от так называемых народных коммун (аналога колхозов) к семейному подряду и, хотя частная собственность на землю не вводилась, произошло восстановление единоличного хозяйства. Постепенно осуще-

ствлялась либерализация других сфер экономической деятельности вплоть до признания частной собственности на предприятиях. КНР создавала полноценную рыночную экономику, банковскую систему и обеспечивала высокий уровень социальной мобильности, позволявший преодолевать традиционный раскол между городом и деревней, привлекать иностранные инвестиции и новые технологии. Во многом эти инициативы напоминают эксперименты с государственным капитализмом периода нэпа или, возможно, идеи нереализовавшейся реформы А.Н. Косыгина в СССР.

Своеобразие современной китайской модели модернизации заключается в разделении экономики и политики, поэтапности осуществления экономических преобразований. На начальной стадии модернизации Китай использовал опыт советского нэпа, но сумел избежать его ошибок, стремясь оптимально сочетать рыночные реформы и государственный контроль. В результате возникла система смешанной экономики, которую в КНР официально называют «социализмом с китайской спецификой», а за его пределами часто интерпретируют как «капитализм с китайской спецификой». Для этого есть определенные основания: в Китае наблюдаются некоторые характерные черты капиталистического общества, при обозначении которых используются различные эвфемизмы, например, «необщественная экономика» как синоним рыночной экономики, ориентированной на получение прибыли². В идеологической сфере обоснование реформ ведется с прагматических позиций: прежние понятия не перечеркиваются, но переосмысливаются на семантическом уровне и наполняются новым содержанием. В итоге «китайский социализм» (в отличие от советского) оказался вполне совместим с рыночной экономикой, а частные предприниматели стали членами партии и строителями социализма. Этот курс, осуществляемый в рамках «идеи тройного представительства», легитимирует вовлечение частного бизнеса и его представителей в политическую структуру общества, что стало возможным благодаря сохранению идеологического контроля партии над обществом и средствами массовой информации, поддержанию политической дисциплины (идейные разногласия не выходят за пределы внутривнутрипартийных дискуссий). Экономические преобразования получили юридическое выражение в поправках к Конституции КНР: в 1988 г. была внесена поправка о том, что негосударственный сектор экономики является дополнением к государственному, в 1993 г. – включено положение о «социалистической рыночной экономике», в 1999 г. она получила новый статус «важной составной части рыночной экономики», а начиная с 2004 г. речь шла уже о защите государством «законно нажитой» частной собственности граждан страны. В политическом отношении многие вещи также не называются своими подлинными именами: Китай эволюционировал от тоталитарного режима (периода Мао Цзэдуна) к политической системе, которую некоторые авторы определяют как «нелиберальную демократию» или авторитарную систему, типичную для многих современных стран Азии на определенном этапе их развития (классическими примерами выступают Сингапур, Южная Корея и Вьетнам). Однако нерешенным остается вопрос: возможно ли совместить рыночную экономику и однопартийную систему? Этот вопрос, получивший название «пятой модернизации» (под которой подразумевается желательность либерализации политического режима), предполагает в дальнейшем новые изменения в конституции страны.

Появление и успешное продвижение данной модели позволило поставить ряд принципиальных вопросов: в какой мере универсальными являются западные модели развития гражданского общества и правового государства, представленные Западной Европой и США, начиная с XVI в. до наших дней; возможно ли создание полноценной рыночной экономики без политической демократии; в какой мере происходящие в КНР социальные процессы соответствуют постулатам марксизма-ленинизма, и в какой мере представляют их ревизию; какова природа «китайского экономического чуда» – ограничено оно движением от традиционного аграрного общества к индустриальному или представляет собой более универсальную модель экономического развития – «экономику знания», приспособленную для решения проблем постиндустриального общества; связано оно с реализацией потенциала традиционной моральной экономики,

опирающейся на конфуцианские этические принципы, или с использованием новых технологий модернизации; что такое вообще «социализм» – утопия или доктрина, способная направлять социальные процессы и осуществлять планомерное развитие общества и государства; в какой мере опыт социалистической модернизации в СССР и его ошибки были учтены современной политической элитой КНР при проведении «революции сверху»; наконец, каковы перспективы развития этой страны: сможет ли она сохранить стабильность и высокие темпы роста в перспективе или обречена повторить судьбу СССР?

Ставя проблему модернизации, мы одновременно рассматриваем ее технологии и их применение в истории: как соотносятся революция и реформа; возможно ли проведение глубокой социальной трансформации без политических реформ; в какой мере учитывается соотношение формальной и неформальной экономики; как быть с развитием конфликта между правом и справедливостью, неизбежного с переходом к рыночной конкуренции и частной собственности; как обеспечить стабильность в период проведения необходимых, но непопулярных реформ и погасить очаги социального недовольства и протеста со стороны традиционного крестьянства, городских рабочих или национальных сепаратистов; следует ли проводить реформы сразу по всем направлениям или они должны быть растянуты во времени. В журнале «Российская история» этот круг проблем подробно обсуждался в ходе анализа столыпинских реформ, по некоторым существенным параметрам выступающих определенным аналогом современной китайской модернизации. Речь шла, в частности, о том, каким образом П.А. Столыпину удалось выйти из Первой русской революции: сформулировать стратегию постепенного экономического развития, включающую трансформацию сельской общины, железнодорожное строительство, развитие банковской инфраструктуры; выстроить приоритеты национальной и демографической политики, сохранить стабильность и управляемость ситуацией, избегая внешних конфликтов и радикального изменения авторитарной политической системы. Особое внимание было обращено на то, что столыпинские преобразования, подобно современным китайским, глубоко изменили социальные институты и сознание общества в рамках правовой преемственности, проходили с сохранением отношений собственности и политической культуры. Опыт реформ Столыпина, востребованный затем во многих странах мира, все чаще рассматривается в современной российской историографии как открытие исторически новой модели модернизации, которая была способна предотвратить распад имперской системы, совершившийся в результате войны, революции и последующего установления большевистской диктатуры³.

Ключевым предметом споров становится в этом контексте сравнение итогов модернизации в России и Китае в XX в. и на современном этапе. В СССР в период перестройки была избрана стратегия, исходившая из приоритета идеологической трансформации и политических реформ над экономическими; в КНР, напротив, осуществляется стратегия, связывающая политические реформы с приоритетом экономического развития (попытка либеральной революции по восточноевропейскому сценарию была отвергнута Китаем в ходе подавления восстания на площади Тяньаньмынь в 1989 г.). Речь, возможно, должна идти не о том, какая модель – российская или китайская – лучше (однозначное решение этой проблемы, по-видимому, невозможно), но о том, какая модель имеет больше шансов на реализацию в конкретных исторических условиях. При всей возможной критике российских революционных преобразований 1990-х гг. (которая стала едва ли не знаменем современной консервативной политической романтики), следует признать, что они подвели итог коммунистическому эксперименту, реализовали, пусть и с большими издержками, переход к рыночной экономике и правовому обеспечению частной собственности, подвергли радикальному пересмотру систему однопартийной диктатуры и заложили основу полноценной модернизации политической системы по западному образцу – введения демократических свобод, многопартийности, разделения властей и дуалистического политического режима. Возвращение назад к советской политической системе стало невозможно даже

для убежденных сторонников авторитаризма. В КНР модернизация приняла другую форму. Начиная экономические реформы, Дэн Сяопин говорил о том, что политическая демократия в Китае станет возможна через 50 лет. Но удастся ли реализовать этот прогноз в современном быстро изменяющемся мире? Современные критики говорят о том, что время политических реформ уже наступило и выдвигают требование «пятой модернизации». Таким образом, итоги китайской модернизации еще не завершены, что открывает возможности различных стратегий развития. В конечном счете, может быть, удастся сблизить обе модели, совместив экономическую, социальную и политическую модернизации.

Все эти вопросы актуальны не только для Китая, но и для России и всех стран постсоветского пространства, поставленных перед выбором между так называемыми западной и восточной моделями модернизации. В политической мысли и историографии этих стран представлены различные ориентиры – от консервативных романтиков, видящих в Китае прообраз политического переустройства России, и либералов, отторгающих эту модель во имя западных ценностей демократии и прав человека, до ортодоксальных коммунистов, продолжающих говорить о преимуществах «социализма» в его советской, китайской (или даже северо-корейской) интерпретации, не говоря о «новых левых», определяющих китайскую стратегию развития как ревизию революционных идей ленинизма и маоизма. Историки России и Китая, очевидно, не могут стоять в стороне от этих дискуссий. По данным вопросам в рамках «круглого стола» мы представляем российскому читателю мнения китайских ученых, являющихся специалистами по истории и современной политике России, отражающих как вполне официальную точку зрения китайской исторической науки, так и личные взгляды ряда участников. Эта инициатива смогла реализоваться в результате состоявшихся в Пекинском, Цзилинском и Шанхайском университетах встреч руководства журнала с китайскими коллегами, в ходе которых констатировались актуальность сравнительных российско-китайских исследований и важность поиска новых методологических подходов.

В материалах «круглого стола» отражены ключевые проблемы компаративного изучения и типологии модернизационных процессов в России и Китае. Специфика современной китайской модели представлена профессором Хуан Лифу (Институт всемирной истории Китайской академии общественных наук, вице-президент Ассоциации по изучению истории СССР и Восточной Европы); историческое значение российской модели этатистской модернизации проанализировал Юй Вэйминь (научный сотрудник Центра по изучению России Восточно-китайского педагогического университета, преподаватель исторического факультета). Исторический опыт преобразований в двух странах в XIX – начале XX в. рассмотрел профессор Чжан Гуансян (директор Института российских исследований Академии Северо-Восточных исследований Цзилинского университета). Сюй Цзинью (доктор исторических наук, доцент историко-культурного отдела Института Северо-Восточной Азии Цзилинского университета) провела сравнение коммунистической модернизации в России и Китае периодов военного коммунизма и Большого скачка. Профессора Цзо Фэнжун и Люй Жуйлинь (Институт международных стратегий партшколы при ЦК КПК) рассматривают успехи и неудачи переходного периода в двух странах; Ван Юэшэн (декан факультета международной экономики Института экономики Пекинского университета) анализирует соотношение формальных и неформальных факторов экономической трансформации. Хоу Айцзюнь (доцент Института всемирной истории Китайской академии общественных наук) ставит вопросы модернизации в Центральной Азии в сравнительном контексте. В целом, на наш взгляд, данная подборка материалов дает репрезентативное представление об основных подходах к изучению проблемы модернизации в современной китайской историографии, показывает круг дискутируемых вопросов и параметры сравнительного анализа российской и китайской модернизационных моделей.

Теоретические проблемы модернизации на современном этапе: специфика китайской и российской моделей

Хуан Лифу: Инновационная теория и путь к социалистической рыночной экономике: сопоставление Китая и СССР

Основные направления государственного развития – экономическое, политическое и социальное – тесно взаимосвязаны в рамках теории и практики модернизации. В условиях, когда общество находится на перепутье, выбор нового направления ведет к возникновению конфликта с традиционной концепцией развития. Между тем формулирование единой логичной концепции, способной дать новому курсу разумное обоснование, является одной из важнейших предпосылок инновационной модели модернизации. В соответствии с классической марксистской теорией при социализме должна быть устранена частная собственность, уничтожена буржуазия, отвергнуты пути рыночной экономики. РСФСР в качестве первого в мире социалистического государства, опирающегося на идеологию марксизма, в соответствии с ней осуществила после Октябрьской революции национализацию средств производства, ликвидировала помещиков и буржуазию, в период военного коммунизма отбросила товарно-денежные отношения. Весной 1921 г. для преодоления экономического и политического кризиса В.И. Ленин начал проводить новую экономическую политику, возвращаясь к использованию институтов рыночной экономики. Это ставило ряд теоретических, экономических, социальных и политических вопросов, едва ли разрешимых с позиций ортодоксального марксизма. Является ли развитие рыночных отношений эквивалентным развитию капитализма и каково соотношение между социализмом и рыночной экономикой? Предполагает ли социалистическая рыночная экономика утверждение единой государственной и коллективной собственности, или должна быть сформирована принципиально новая структура собственности, допускающая негосударственные формы экономического развития? Должны ли владельцы и управляющие объектами негосударственной экономики в условиях социалистического рынка быть признаны буржуазией и допустимо ли сохранение этого слоя только как явления переходного периода, которое в дальнейшем будет уничтожено? Для успешного осуществления «социалистической рыночной экономики» требуются существенные теоретические инновации в разрешении указанных проблем. Концепция этого курса, реализуемая в современном Китае, является коренным прорывом в традиционном марксистском учении.

Основная причина неизбежного срыва нэпа в Советском Союзе заключалась как раз в отсутствии теоретических инноваций. В процессе реализации этой политики СССР не смог предложить решения поставленных выше проблем. В 1924 г. Ленин в одной из последних продиктованных им статей выдвинул положение о том, что «развитие кооперативов эквивалентно развитию социализма»⁴. Это наводило на мысль о совместимости социализма и рыночной экономики, но, к сожалению, было сформулировано крайне неопределенно. В результате, в ходе развития рыночной экономики и обострения социальных противоречий, большевистская партия оказалась неспособна преодолеть традиционные марксистские взгляды, опираясь в своем понимании рыночной экономики на мнение Ленина, высказанное им 17 октября 1921 г.: «Новая экономическая политика заключается в замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом, т.е. в значительной степени восстановлении капитализма»⁵. Тогда большинство членов партии было убеждено, что использование институтов рыночной экономики неизбежно ведет к восстановлению капитализма и является временной мерой, от которой впоследствии следует отказаться. Поэтому интерпретация структуры собственности и политической характеристики негосударственной собственности владельца предприятия оказалась замороженной в рамках традиционного марксистского понимания. В силу этого, наряду с использованием в определенной степени механизма рыночной экономики, советским государством систематически проводилась политика, направленная против капитализма и буржуазии. В июле 1926 г. было

решено «полностью устранить пережитки политического влияния буржуазии (нэпманов, кулаков, буржуазных интеллигентов) на трудящиеся массы»⁶. В конце 1927 г. был взят курс на ликвидацию капитализма как в городском, так и в сельском хозяйстве⁷. В результате уменьшалась доля частного хозяйства, количество и влияние нэпманов стремительно сокращались. Меры по борьбе с влиянием буржуазии предпринимались по всем направлениям. Так, если на начальном этапе нэпа в высших органах управления Советского Союза число служащих непролетарского происхождения составило 70%, то к концу 1920-х гг. их оставалось лишь 18%. Доверяя лишь коммунистам, происходившим из рабочего класса, партия через централизованную систему номенклатуры выдвигала их на ключевые посты в государственном управлении, в итоге они стали абсолютно доминировать в руководстве⁸. В сфере культуры и образования также велась борьба с «буржуазными элементами». Многие деятели науки и искусства оказались вынуждены покинуть страну или были репрессированы; их место заняли выходцы из рабоче-крестьянской среды. Направляя этот процесс, власть создавала в вузах рабочие факультеты (рабфаки), целью которых было дать полуграмотным рабочим и крестьянам, желавшим получить высшее образование, необходимую подготовку для обучения в вузах (на 1925/26 учебный год через рабфак прошли 40% студентов⁹). В начале нэпа все общественные организации были добровольными, но путем перерегистрации партия ограничивала развитие общественных организаций и создавала их сверху вниз как так называемые общества содействия советской власти. Количество добровольных общественных организаций за 1924–1928 гг. увеличилось лишь в 3 раза, а численность массовых обществ содействия советской власти возросла в 76 раз¹⁰. Между тем общественное мнение было сосредоточено на борьбе с нэпманами. Подготовленные партией кадры управленцев и новая интеллигенция, контролируемая система общественных организаций и направляемая общественная активность подготовили фундамент для сворачивания капитализма и ликвидации его «пережитков» в СССР¹¹.

В Китае обсуждение ключевых вопросов модернизации привело к иным результатам, чем в России. Проблема соотношения социализма и рыночной экономики была решена путем их совмещения. С момента основания Нового Китая в 1949 г., в подражание Советскому Союзу, в стране конфисковали земли помещиков и буржуазно-бюрократическую собственность, провели политику выкупа городской промышленности у торговой буржуазии, затем ликвидировали помещичий класс и буржуазию. На основе утверждения общественной собственности на средства производства была создана плановая экономическая модель. С мая 1966 г. по октябрь 1976 г. в соответствии с теорией «продолжения революции при диктатуре пролетариата» председатель ЦК Коммунистической партии Китая (КПК) Мао Цзэдун осуществил «культурную революцию». Утверждая, что «внутри партии у власти оказались лица, идущие по капиталистическому пути, в центральном комитете сформировался буржуазный штаб, который придерживается ревизионистской политической и организационной линии, насаждает своих ставленников в провинциях, городах, автономных районах и центральных учреждениях», и стремясь к тому, «чтобы народ смог вернуть власть, узурпированную капиталистическими уклонистами», он считал необходимым «на основе классовой борьбы осуществить культурную революцию, снизу вверх мобилизовать народные массы»¹². Во время «культурной революции» контрреволюционная группа Линь Бяо и «Банда четырех», используя ошибки Мао Цзэдуна, вели ошибочную и преступную политику (ими выдвигался ультралевый лозунг – «травы социализма лучше, чем хлебные всходы капитализма»), имевшую катастрофические последствия: Китай оказался на краю экономического краха. 9 сентября 1976 г. со смертью Мао Цзэдуна закончилась и его эпоха.

В 1978 г. на третьем пленарном заседании 11 сессии ЦК КПК Дэн Сяопин, подытожив уроки «культурной революции», отказался от идеи классовой борьбы и определил основные направления реформ и хозяйственного строительства. 13 марта 1979 г. он выдвинул тезис о необходимости «придерживаться четырех основных принци-

пов» (социалистического пути, демократической диктатуры народа, руководства КПК, идей марксизма и Мао Цзэдуна) для реализации «четырех модернизаций в Китае» (промышленности, сельского хозяйства, науки и обороны)¹³. Благодаря утверждению этих принципов КНР отказалась от левого направления культурной революции и начала осуществлять широкие социалистические преобразования, соединяя марксистские идеи с китайской спецификой. После проведения под руководством Дэн Сяопина политики реформ и открытости в Китае отказались от плановой экономики в пользу рыночной. Дэн Сяопин извлек уроки из неудачи новой экономической политики и 26 ноября 1979 г. официально заявил, что «при социализме также возможно развивать рыночную экономику»¹⁴, подчеркнув, что социализм и рыночная экономика не исключают друг друга. Однако традиционное представление о тождестве рыночной экономики и капитализма глубоко укоренилось, поэтому реформы шли с трудом. Посетив с 18 января по 21 февраля 1992 г. юг страны, Дэн Сяопин выступил с рядом важных речей, в которых отметил, что страх перед рыночной экономикой, якобы неразрывно связанной с капитализмом, является важнейшим фактором замедления преобразований. В целях повышения темпа реформ он указал на ключевые параметры для их оценки: «благоприятны ли они для развития производительных сил социалистического общества, для содействия увеличению совокупной мощи страны, повышения уровня жизни народа»¹⁵. Исходя из этого, в резолюции 14 съезда КПК в 1992 г. была сформулирована цель: построение «социалистической рыночной экономики».

Решение проблемы формирования структуры собственности в рамках социалистической рыночной экономики заключалось в допущении долгосрочного совместного развития различных секторов экономики на основе государственной собственности. В СССР периода нэпа господствовало традиционное для марксизма представление о том, что частная собственность неизбежно порождает капитализм и что при социализме возможна лишь государственная собственность. Поэтому советское правительство изначально проводило политику, направленную на постепенное выдавливание и полное уничтожение частной собственности, в результате чего быстро развивающиеся в период нэпа рыночные формы столь же поспешно были свернуты. В Китае, напротив, Дэн Сяопин утверждал, что социализм и рыночная экономика могут взаимодействовать. В рамках этого подхода, в резолюции 14 съезда КПК была изложена теория «долгосрочного совместного развития различных секторов экономики на основе государственной собственности, с дополнением институтами индивидуальной экономики, частного сектора экономики и сектора иностранного капитала».

Отношение к буржуазии в двух странах также оказалось противоположным. Советский Союз определил нэпманов (новую социальную группу, появившуюся после внедрения рыночной экономики) как буржуазные элементы, по отношению к которым проводилась политика подавления. Эта стратегия подготовила отказ от нэпа. В Китае после реформ и введения экономической открытости быстро возникли группы негосударственных, необщественных и частных собственников, менеджеров, что ставило вопрос о государственной политике по отношению к ним. 25 февраля 2001 г. генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь выдвинул идею «Тройного представительства» (КПК должна представлять, во-первых, передовые тенденции развития производительных сил, во-вторых, передовые достижения науки и культуры, в-третьих, интересы широких народных масс)¹⁶, отражавшую, по его словам «научное отношение к марксизму». Курс реформ, согласно этой идее, должен учитывать изменения в социальной структуре Китая: появились такие новые социальные прослойки, как частные предприниматели и технический персонал частных научно-технических предприятий, иностранных предприятий, единоличники, посредники, лица свободных профессий, причем их место в социальной структуре, шкале форм собственности, отраслей, регионов и профессий не остается неизменным, но должно «расширяться и укрепляться». Партии следует «приспособиться к данным изменениям», поскольку большинство представителей новых социальных слоев добросовестно участвуют в строительстве «социализма с китайской спецификой». Поэтому факт

владения собственностью не может быть единственным критерием политической прогрессивности или отсталости граждан: «следует прежде всего рассмотреть их идеологическое и политическое сознание, посмотреть, каким путем они получили свою собственность, и как можно оценить их трудовой вклад в построение социализма с китайской спецификой»¹⁷. Согласно концепции «Тройного представительства», в целях расширения социальной базы правящей партии, новые общественные слои не относились к чуждому буржуазному лагерю, но определялись как «строители социализма с китайской спецификой». Данная стратегия была направлена на то, чтобы, допуская в партию их представителей, поддерживавших ее линию, прошедших испытания и зарекомендовавших себя как политически грамотных, открыть им широкое политическое будущее. Теория «Тройного представительства» оптимально решала проблему политической позиции партии в отношении к новым социальным прослойкам и позволяла преодолеть серьезное препятствие к углубленному развитию рыночных реформ.

Обновляя марксистскую теорию, китайское правительство активно улучшает правовую систему в целях развития рыночной экономики. Согласно конституционным поправкам, принятым в 2004 г., «государство охраняет законные права и интересы индивидуальных и частных хозяйств. Государство поощряет, поддерживает и направляет развитие, а также осуществляет наблюдение и контроль необщественного сектора экономики»¹⁸. В соответствии с ними на пятом совещании 10 Всекитайского собрания народных представителей 16 марта 2007 г. был принят «Закон о вещных правах», ориентированный на «защиту основ экономического строя страны и социалистической рыночной экономики, а также определения принадлежности собственности, выявления полезности понятия собственности, защиты вещных прав правообладателей»¹⁹. В 2005 г. Государственный совет принял установку на стимулирование негосударственной экономики. Впервые на столь высоком официальном уровне было заявлено о расширении доступа на рынок для институтов негосударственной экономики, необходимости ее поддержки наравне с государственной в области инвестиций, финансирования, налоговой политики, землепользования, внешней торговли, экономического и технического сотрудничества и др. В соответствии с этим железные дороги, гражданская авиация, почтовая служба, военная и нефтехимическая промышленности в Китае стали отраслями, куда может войти и необщественный капитал, причем финансовые, налоговые и другие ведомства также ввели практику поддержки негосударственного экономического развития. Благодаря конституционным гарантиям и государственной поддержке необщественная экономика КНР стала развиваться быстрыми темпами. К концу 2006 г. число зарегистрированных частных предприятий достигло 4.947 млн, составляя 57.4% от общего числа предприятий по всей стране. Необщественная экономика также играет важную роль в содействии глобализации китайского народного хозяйства. В 2005 г. число частных холдинговых компаний, инвестирующих за рубежом, составляло 64% от их общего количества по всей стране. Постоянно увеличивается численность и влияние «нового социального слоя», включающего частных предпринимателей и персонал необщественной экономики. Данные опроса показали, что их количество составляет около 50 млн, они обладают или управляют капиталом в сумме около 10 трлн юаней²⁰. Представители нового социального слоя, верные делу партии, были приняты в нее, а наиболее выдающиеся из них даже допущены к политической деятельности, будучи избраны членами Народного политического консультативного совета или Всекитайского собрания народных представителей. Кроме того, на крупных негосударственных предприятиях созданы партийные ячейки. Таким образом, смелые и прагматичные инновации КПК в марксистском учении позволили Китаю успешно перейти к рыночной экономике.

Юй Вэйминь: Историческое значение и ограниченность пути этатистской модернизации

Модернизация в качестве категории всемирной истории – это процесс смены аграрной цивилизации индустриальной, а также перехода человеческого сообщества от низкой степени социального взаимодействия в традиционном обществе, от относительно изолированных, кровных и региональных взаимосвязей к установлению повсеместных социальных связей и все более высокой степени взаимодействия в ходе глобализации. Поэтому, несмотря на то, что данный процесс реализуется в конкретных исторических условиях в рамках определенной нации, государства и региона, существующее различие моделей развития вовсе не отрицает единства его тенденций.

Со времен расширения Российской империи, которое началось в период правления Петра I, в аспекте определения национальной идентичности, происходит точное совпадение внутренних и внешних противоречий, следствием чего является трудно преодолимый эффект инерциальной взаимосвязи. Принято считать, что модернизация России началась с эпохи Петровских реформ, когда Россия стала учиться у Запада, стремясь к интеграции с западной цивилизацией. Однако целью Петра I было не формирование современного общества, а создание «могущественной державы». Непосредственные результаты его реформ проявляются в двух аспектах: во-первых, создание посредством заимствования техногенной культуры Запада материальной базы для великой державы, обладающей потенциалом к внешнему расширению; во-вторых, установление посредством административных и религиозных реформ абсолютной монархии. Государство получило неограниченную власть над материальной и духовной жизнью подданных. Всесторонняя этатизация всех сфер жизни общества завершилась на этапе высокой степени централизации государственного управления. После становления империи, в результате расширения ее границ, проблема национальной идентичности в России является уже не только внутренней проблемой, но и одновременно приобретает значение «внешнего вопроса». Это проявляется в возникновении неизбежной конфронтации Российской империи с уже сложившейся мировой системой; расширение границ империи и необходимость их защиты также провоцирует столкновение интересов и антагонизм России и великих держав в оспаривании права на мировую гегемонию. Однако противостояние с Западным миром проявляется и в том, что идея славянского единства зачастую используется в качестве инструмента противодействия европейской цивилизации и сохранения авторитарного управления, что в подобной комбинации являет собой сложнейшее противоречие.

Революция 1917 г. в свое время стала для России шансом выхода из исторического тупика. Ее основными последствиями были, с одной стороны, свержение самодержавия, а с другой – распад Российской империи. Теоретически революция разрушила один из самых непостижимых «мертвых узлов» на пути модернизации в стране, создала благоприятные условия для социальной трансформации и сбрасывания имперского гнета. Однако в действительности она не решила коренным образом проблему трансформации российского общества и национальной идентичности. После того, как Временное правительство потерпело поражение, завладевшая властью партия большевиков, осуществляя правление в соответствии с собственными целями и идеалами, начала восстановление и упорядочивание территории бывшей империи. СССР в сталинское время обладал изоморфными Российской империи институциональными характеристиками. Для подобной государственной структуры была необходима централизация политической власти и социальных систем. Таким образом, в процессе перехода от революционной логики к империалистической, сформировалась этатистская сталинская модель политической системы. Подобно тому, как режим царского самодержавия был стержнем Российской империи, высокая централизация власти, как основная особенность сталинской модели, также являлась стержнем, на котором зиждилось существование Советского Союза как огромного единого государства.

Во времена развертывания холодной войны Советскому Союзу было трудно поддерживать свои гегемонистские стремления из-за достаточно низкого уровня социального развития. Глубокое осознание этой проблемы явилось важным мотивом реформ конца 1980-х гг. Основным содержанием реформ Горбачева стали отказ от сталинской модели управления и изменение государственной системы. Однако, несмотря на то, что эти реформы привели к распаду СССР, а при Ельцине в России произошло снижение значимости национальной идентичности, на некоторое время ослабевшее течение этатизма в очередной раз стало ведущим направлением ориентации государства. В стране, находящейся на стадии трансформации, где большинство населения не пользуется современными социальными правами и где отсутствует осознание этих прав, восстановление статуса великой державы и укрепление власти обладает более четкой мобилизационной способностью по сравнению с устремлениями к свободам личности и социального развития, и, следовательно, находит наиболее широкую общественную поддержку. Именно в этом контексте модернизация в России начала XXI в. перешла на новый этап этатистской модели развития.

При оценке пути модернизации России возникают следующие вопросы: способна ли этатистская модель выполнить и завершить историческую миссию модернизации; зависят ли центральное положение в мировой системе и достижение уровня стран международного сообщества от внешних обстоятельств или же от уровня внутреннего социального развития; каким образом после завершающего этапа этатистской модернизации, являющейся необходимым переходным этапом, своевременно изменить направление развития, для того чтобы реализовать основную цель социальной трансформации? Очевидно, что этатистская модель необходима на начальном этапе модернизации, однако ее активная положительная роль и степень рациональности имеют пределы. Если цель развития государства расходится с целями социального развития, то возможно формирование асимметричной структуры существования «сильного государства» и «отсталого общества». В истории России этатистская модель модернизации, соответствуя стереотипам национального сознания, неоднократно давала импульс глубоким социальным изменениям, однако, по нашему мнению, каждый раз сталкивалась с проблемой отсутствия имманентных движущих сил и инерционности социального развития. Российская этатистская модернизация оказала значительное влияние на процесс модернизации в КНР, ранее следовавшей принципу «учиться у России». Поэтому изучение российского исторического опыта способствует осмыслению истории и тенденций развития модернизации в Китае.

Исторический опыт имперской модернизации в России и Китае XIX – начала XX в.

Чжан Гуансян: Предпосылки и механизм инициирования ранней индустриализации в Китае и России

Понятие индустриализации означает процесс непрерывного роста доли промышленности в национальных доходах и занятиях населения²¹. В масштабе всей мировой истории проявилась тенденция постепенной замены сельского хозяйства промышленностью, сопровождавшаяся постепенным переходом общества от преобладавшего аграрного сектора к индустриальному. В структуре экономики обнаружилась тенденция к доминированию промышленности в народном хозяйстве. Очевидно, индустриализация является необходимым условием перехода от традиционного общества к современному.

По таким параметрам, как природные условия, поземельные отношения в деревнях, а также по господствовавшему в начале XIX в. способу производства, по нашему мнению, существовал огромный разрыв между Западом, с одной стороны, Китаем и Россией – с другой. Несмотря на это, обе страны оказались самостоятельными держа-

вами на Евроазиатском континенте. Но поражения, которые они потерпели соответственно в двух опиумных войнах и Крымской войне, заставили правительства этих государств в той или иной степени осознать необходимость индустриализации, которая, однако, осуществлялась в двух странах по различным моделям. И в Китае, и в России было недостаточно благоприятных условий для перехода к индустриальному обществу. Так, большая способность саморегуляции и адаптации китайского традиционного общества к натуральному хозяйству, как и повсеместное сдерживание крестьянства и ремесленников в условиях крепостного права, становились факторами, препятствовавшими этим государствам своевременно вступить на путь индустриализации, и одновременно определявшими выбор направлений дальнейшего развития после тяжелого начала данного процесса. Спустя более полувека Китай существенно отстал от России. В чем причины, приведшие к различиям в уровнях индустриализации двух стран?

Неудача в опиумных войнах позволила некоторым видным чиновникам правительства Цин осознать серьезную угрозу, исходившую от западной цивилизации. Несокрушимый корабль и могучая пушка захватчиков произвели на них глубокое впечатление. «Инородцы бесчинствуют по срединной равнине, нечем защитить страну от них... За то переживаю», – писал в дневнике Цзэн Гофань²². Он настаивал на покупке западных кораблей, ружей и пушек. «Корабль плавает быстро, пушка стреляет далеко, – заметил он во время доклада императору, будучи генерал-губернатором провинции Цзяннань и Цзянси. – В Англии и Франции хвалятся, что этим они монопольно владеют. А в Китае люди поражены такой редкостью. В случае, если сможем покупать эти новинки и необходимо постоянно приобретать их с тем, чтобы наши люди смогли привыкнуть и больше не удивляться им, а Англия и Франция со временем потеряют свое превосходство... После покупки нужно искать и приглашать сообразительных и умных мастеров, в начале пусть они ознакомятся с этими вещами, потом попробуют изготавливать. Таким образом, не более двух лет потребуется, чтобы пароход стал транспортным средством для китайских и зарубежных чиновников и простого населения. С помощью этих технических средств можем уничтожить бунтовщиков и рассчитывать на долгосрочную стратегию»²³. Во время так называемого «заимствования войсками (техники) для уничтожения бунтовщиков» Ли Хунчжана сильно обеспокоило вторжение Запада: «После того, как река Янцзы стала открытой для торговли, иностранцы господствуют над правом и интересами Китая, злоупотребления обнаруживаются повсюду, никак нельзя принудить и запретить... Коли сможем укрепиться собственными силами, иные нации не решатся претендовать на нашу страну, а иначе отрицательные последствия будут немислимо велики»²⁴. «Если Китай намерен укрепиться собственными силами, – писал он, – то нужно исследовать и твердо уяснить мощное западное оружие; но еще лучше разработать новую технику, которая может победить чужую технику, чем просто подражать западной»²⁵.

Очевидно, что высшие китайские чиновники инстинктивно осознали, что обладание западной военной техникой – это ключевой фактор для поддержания власти и защиты от иностранных захватчиков. Они надеялись достичь «укрепления собственными силами» путем привлечения передовой техники из-за рубежа и создания собственной военной промышленности. В 1860–1880-х гг. в Китае были построены 24 современных военных предприятия (в том числе Аньцинский военный завод, созданный по инициативе Цзэн Гофана в 1861 г., три арсенала в Шанхае и Сучжоу, устроенных Ли Хунчжаном в 1862–1863 гг., Цзяннаньское главное управление по изготовлению оружия, организованное в 1865 г. на основе американского металлургического завода, Циньлинский машиностроительный завод на Сучжоуском арсенале, переместившемся в Нанкин, Фучжоуский судостроительный завод, созданный Цзо Цзунтанем в 1866 г. в г. Мавэе провинции Фуцзянь, Тяньцзиньский машиностроительный завод, построенный министром торговли Цун Хоу в 1867 г.). На всех этих заводах изготавливались пароходы, ружья и пушки западного образца. С точки зрения техники производства они приобрели черты современной промышленности, что означало начало китайской индустриализации. Но в управлении и хозяйственной деятельности эти предприятия

руководствовались идеей «Китайское учение играет ведущую роль, а западная наука – вспомогательную роль». Сохранение режима государственной мануфактуры традиционного типа в неизменном виде предопределило рамки развития: китайская индустриализация длительное время оставалась лишь на уровне совершенствования орудий производства и создания продукции без учета передовых идей и систем, что делало невозможным достижение качественно новых результатов.

Правительство Российской империи осознало необходимость начала индустриализации в результате поражения в Крымской войне, отразившего экономическую и техническую отсталость страны. Стало ясно: если не осуществить индустриализацию в кратчайшие сроки, Россия может потерять статус великой державы. По словам Ф. Энгельса, «война показала, что даже если учитывать исключительно военные факторы, России также необходима железная дорога и крупная индустрия»²⁶. В годы правления Александра II сформировалась первоначальная железнодорожная сеть России (длина железных дорог увеличилась в 14 раз, до 21 тыс. верст). При Александре III и Николае II в 1890-е гг. было построено более 150 железных дорог длиной 22 тыс. верст (40% от российской железнодорожной сети). Железные дороги способствовали углублению регионального разделения труда и формированию внутреннего рынка, стимулировали постепенное совершенствование капиталистической системы. Преимущественное развитие тяжелой промышленности привело к качественному изменению производственной структуры и возникновению промышленных рабочих. В 1900 г. доля средств производства составила 46,5% от всероссийской промышленной валовой продукции, причем железная дорога потребила около 50% металлургической продукции и большую часть продукции перерабатывающей промышленности²⁷.

Разумеется, железнодорожное строительство в России зависело прежде всего от решения стратегических задач. Выступая как основное условие промышленной революции и индустриализации, масштабное строительство железных дорог нуждалось в большем количестве промышленной продукции и разрушении границ между регионами страны, что в конечном счете стимулировало быстрое развитие народного хозяйства. Здесь коренится различие моделей инициирования индустриализации: в Китае эта модель стала непосредственной реакцией на внешний вызов в виде создания военной промышленности; в России, напротив, элитой была принята продуманная долговременная стратегия индустриализации, оттачивавшаяся от железнодорожного строительства как основного инструмента стимулирования разных отраслей народного хозяйства.

После возникновения первых современных китайских военных заводов финансовое положение правительства династии Цин из-за расходов на военные цели и выплат контрибуции становилось все более тяжелым. Испытывая дефицит средств, основатели предприятий пришли к выводу, что «для ставки на собственные силы необходимо прежде всего накопление капитала, а для расширения источников средств лучше всего развивать торговлю»²⁸, а также что «если не будем разными мерами копировать западные товары и сами их производить, то нам не удастся получать долю прибыли иностранцев»²⁹. Итак, стремясь обогатиться, группировка элиты, связанная с внешней политикой в 1870-х гг. снова начала создавать добывающую промышленность гражданского назначения и транспортные предприятия. Но таким предприятиям требовались большие средства, а у правительства их не было, в результате чего данная группа обратила свое внимание на компрадорских купцов, особенно на скупщиков, работавших по найму у иностранного бизнеса и успевших накопить большие деньги. Возникла система предпринимательства под контролем государства, которая далее широко применялась на гражданских предприятиях, созданных группой чиновников Министерства иностранных дел.

«Если все бремя ответственности возложить на правительство, то невозможно изыскать огромные денежные суммы; если осуществить предприятие совместно с купцами, пользуясь разными возможностями и силами, то дело пойдет легче – писал идеолог того времени Чжэн Гуаньин о причинах введения системы буржуазного

предпринимательства под государственным контролем и ее структуре. – В случае, когда исключительно купцы создают предприятия, их деятельность может столкнуться с помехой недобрых рук или вымогательством со стороны некоторых чиновников. Необходима система предпринимательства под контролем государства, позволяющая четко определить обязанности и долги сторон. Купцы отвечают за привлечение вкладов для развития промышленности, для чего нужно запретить намеренное сокрытие доходов. А государство контролирует деятельность предприятий и собирает налоги, и не выставляет чрезмерных требований. Таким образом две стороны поддерживают друг друга, что позволяет преодолеть недостатки»³⁰. Но эта система не дала ожидаемых результатов. Во-первых, чиновники разных уровней строго контролировали деятельность и управление предприятий в кадровых и финансовых отношениях, что вело к злоупотреблениям властных органов и корыстному присвоению доходов купцов; во-вторых, предприятия монополизировали производство и рынок за счет политической привилегии, чем подавлялся энтузиазм народного капиталовложения, а частные организации лишались возможности развития и роста; в-третьих, в целях укрепления своего монопольного положения, некоторые предприятия тайно договаривались с иностранными экономическими агентами и ограничивали пространство существования китайских частных предприятий. Системе трудно было преодолеть феодальные ограничения и компрадорский характер, она препятствовала развитию национального капитала, ускоряя вторжение иностранного.

России в начале индустриализации предстояло решать сходные с Китаем проблемы. Однако она, в отличие от полуколонияльного и полуфеодалного Китая, сохранив в значительной степени экономическую самостоятельность, выбрала для себя адекватную политику развития: поощрение создания частных предприятий, активное привлечение иностранных инвестиций, введение протекционистских пошлин. В царствование Александра II министр финансов М.Х. Рейтерн настаивал на том, что Россия должна идти по либеральному пути развитых западных стран. По его мнению, создание все-русской сети акционерных коммерческих банков являлось предпосылкой развития отечественной экономики³¹. В 1864 г. был открыт первый в России акционерный коммерческий банк. В 1873 г. насчитывалось уже до 40 таких банков с общим объемом капитала в пределах 440–600 млн руб.³² В этих условиях шел непрерывный рост числа частных предприятий, быстрее всего развивались промышленные предприятия, связанные с железнодорожной сетью. Этому способствовало наличие у населения огромных средств, накопленных в период формирования банковской системы, что позволяло правительству проводить политику строительства железных дорог путем выдачи концессий³³, госзаказ обеспечивал реализацию отечественных рельсов, оказывая огромную поддержку черной металлургии. Южнорусские крупные металлургические предприятия развивались очень динамично. Петровский завод, созданный российско-бельгийской компанией в 1897 г., за 6 лет получил госзаказ на рельсы в объеме 12 млн пудов. В 1900 г. этот завод занял четвертое место по производству продукции среди южнорусских металлургических предприятий³⁴. Российская индустриализация опиралась преимущественно на частную экономику как ядро развития. Личные интересы и инициативы приобретали уважение, отношения между государством и предприятиями были четко определены. Экономическое развитие меньше подвергалось вмешательству со стороны властей. Очевидно, что российская модель индустриализации была качественно лучше китайской системы «предпринимательства под контролем государства».

Развивая промышленную экономику для поддержания и защиты национальных предприятий, царское правительство регулировало таможенную политику с учетом изменения ситуации. В середине XIX в. система запретительных пошлин уже стала сдерживать экономическое развитие страны. Поэтому с 1850-х гг. правительство начало снижать пошлины на импортные товары, осуществляя переход от запретительной политики к протекционистской. В 1857 г. были еще раз снижены импортные пошлины, что обозначило переход от жесткой трактовки протекционизма к более мягкой.

В 1868 г. был установлен новый тариф, в котором оказались совмещены либеральные и протекционистские черты: разрешен беспошлинный ввоз хлопка, нефти и машин, ввоз чугуна и сварочного железа за низкие пошлины. Цель проводимой политики состояла в защите интересов потребителей средств производства. При этом правительство оказывало существенную поддержку отечественной текстильной промышленности: импортный тариф на хлопчатобумажные изделия составил 24%, а на шерстяные – 26–30%. В 1880-е гг. зарубежная конкуренция нанесла удар по тяжелой промышленности России. Министерство финансов, которое возглавляли Н.Х. Бунге, а затем И.А. Вышнеградский, вновь стало проводить строгую политику протекционизма: увеличения хлебного вывоза, повышения импортных пошлин на чугуны, сварочное железо, сталь, машины и т.д. Процесс многократного пересмотра тарифов закончился с принятием в 1891 г. запретительного тарифа³⁵. Именно благодаря постоянному регулированию протекционистской системы национальная промышленность быстро развивалась.

Подписанный в 1842 г. Нанкинский договор между Китаем и Англией создал нежелательный прецедент конвенционных таможенных тарифов (аналогичные тарифы предусматривались затем Вансяским договором с США и Хуанпуским договором с Францией, подписанными в 1844 г.). Таким образом, Китай, утративший таможенную автономию, был неспособен реагировать на экономическую агрессию путем регулирования таможенного тарифа. С трудом начатая индустриализация, не получившая должную защиту, неизбежно приходила в упадок.

По подсчетам профессора Йельского университета Р. Голдсмита, в России среднегодовой прирост промышленной продукции в 1860–1913 гг. составлял примерно 5%³⁶. В условиях того времени сохранение такого роста в течение полувека считалось достаточно высоким показателем. Важным этапом в процессе перехода к индустриальному обществу стали 1890-е гг., когда среднегодовой прирост превысил 8%³⁷. Таким образом к концу XIX в. техническая революция в российской тяжелой промышленности в основном завершилась. Производственная мощность ведущих промышленных и базовых энергетических отраслей существенно возросла; тяжелая промышленность получила приоритетное развитие, по темпам прироста она была в два раза выше, чем легкая и пищевая промышленности; основные показатели крупного промышленного производства в России достигли среднего уровня капиталистического мира³⁸, в начале XX в. по объему промышленного производства она занимала пятое место в мире³⁹. Индустриализация подготовила технический персонал, в состав которого входили ученые, инженеры, статистики и другие специалисты. Хотя численность их была небольшой, данная группа обладала высокой квалификацией, что позволило ей сыграть ключевую роль в процессе советской индустриализации. Кроме того, существенно возросла грамотность населения. В 1914 г. в России было 123 745 гимназий и училищ, процент обучающихся детей в возрасте 8–11 лет составил 30.1%. В начале XX в. в стране насчитывалось более 3000 технических, сельскохозяйственных и коммерческих учебных заведений. Профессиональное образование подготовило надежную базу для сельскохозяйственной, транспортной и промышленной областей экономики, а также для распространения новых технологий⁴⁰. Россия заложила прочный фундамент для быстрого продвижения к индустриальному обществу.

В Китае, напротив, индустриализация имела совсем незначительный эффект. Хотя под воздействием чиновников или купцов в китайской промышленности произошли некоторые прогрессивные изменения, однако, по сравнению с Россией, индустриализация там носила явно замедленный характер и страдала от диспропорций. Согласно данным «Статистико-документального справочника министерства сельского хозяйства, индустрии и торговли», после издания в январе 1904 г. «Закона об учреждении компаний» до конца 1908 г. было зарегистрировано 228 акционерных компаний. Однако большинство из них и по характеру деятельности, и по способу производства сохраняли докапиталистическую традицию. Объем капитала лишь 72 предприятий превышал 100 тыс. лян⁴¹. В 1912 г. в Китае насчитывалось 20 749 заводов, однако понятие «завод» было крайне неопределенным, поскольку в него включались не только пол-

ноценные промышленные предприятия, но и различные менее значимые хозяйственные объекты, даже мануфактуры. Только 363 предприятия использовали машинное производство, а все остальные в основном опирались на ручную и гужевую силу⁴². Это позволяет объяснить особенность структуры китайской промышленности к концу династии Цинь: небольшая группа крупных предприятий, использовавших западную технику и оборудование, тонула в море натурального сельского хозяйства и кустарного производства. Развитие промышленности так и не привело к качественному изменению социального облика Китая. Уровень финансово-кредитной системы и развития транспорта был несопоставим с уровнем аналогичных систем, созданных царским правительством. Таким образом, китайскую индустриализацию можно уподобить отдельным волнам, но не большой бурной реке.

Коммунистические эксперименты модернизации СССР и Китая в XX в.

Сюй Цзиньцю: Большой скачок в Китае и военный коммунизм в Советской России (сравнительный анализ)

Каждая страна социалистического лагеря искала свой ключ к пониманию теории и практики научного социализма. Большой скачок в Китае в 1958–1960 гг. и военный коммунизм в Советской России в 1918–1920 гг. являлись своеобразными периодами в социалистическом экономическом строительстве, представляя собой поиск конкретных путей перехода к коммунизму в странах, экономически и культурно к этому не готовых. Словосочетание военный коммунизм впервые встречается в 1916 г. в книге марксистского теоретика А.А. Богданова, который связывал его не с коммунизмом или капитализмом, а с армией⁴³. Однако социально-экономическая политика советской власти, проводившаяся в условиях интервенции и Гражданской войны с 1918 по 1920 г., была обозначена этим термином в брошюре Ленина «О продовольственном налоге (значение новой политики и ее условия)» (1921). Эта политика именовалась коммунизмом – поскольку предпринимаемые большевиками меры удивительным образом совпадали с марксистским представлением о некоторых чертах будущего коммунистического общества, а военным – потому, что была подчинена единственной цели – сконцентрировать все силы для победы в Гражданской войне. Большой скачок как специальный термин был предложен КПК в конце 1950-х гг. Считается, что он впервые появился в передовой статье газеты «Жэньминь Жибао». В ней отмечалось: «Некоторые люди заболели правоконсервативной болезнью, как улитка, ползущая медленно, они не понимают, что после реализации кооперации сельскохозяйственного производства, мы уже имеем возможности, да и необходимо должны проводить “большой скачок” в производстве, это соответствует объективным законам»⁴⁴. Большим скачком в истории КНР называют период реализации экономических преобразований 1958–1960 гг., проводившихся под лозунгом «догнать и перегнать» передовые капиталистические страны (Англию и США). Значение этого термина заключается в необходимости резко повысить масштаб и темпы производства и строительства.

Общая проблема Большого скачка и военного коммунизма заключается в том, что лидеры двух стран игнорировали реальную ситуацию в собственной стране – низкий уровень развития производительных сил, неразвитость товарного хозяйства. Они стремились, вдохновленные революционным энтузиазмом, вопреки экономическим закономерностям к форсированному развитию, быстрому построению социализма и переходу к коммунизму, что выражалось в принятии ряда схожих мер.

В первую очередь речь шла о стремительной ликвидации частной собственности и создании государственной. В период военного коммунизма 28 июля 1918 г. был издан декрет, согласно которому к лету 1920 г. национализировали до 80% крупных и средних предприятий. После окончания Гражданской войны приняли постановление о национализации всей, теперь уже и мелкой промышленности. Национализации или

закрытию подлежали все частные торговые предприятия⁴⁵. В сельском хозяйстве проводилась политика перехода от мелких единоличных крестьянских хозяйств к общественной обработке земли, создавались советские хозяйства, сельскохозяйственные коммуны и артели. Коммуны обладали чертами примитивного коммунизма, их члены совместно трудились и делили поровну доходы. В изданном Наркомземом «уставе» для сельскохозяйственных коммун отмечалось: «Желающий вступить в коммуну отказывается в ее пользу от личной собственности на денежные средства, орудия производства, скот и вообще всякое имущество, необходимое в ведении коммунистического хозяйства»⁴⁶. В Китае на основе завершения социалистического преобразования промышленных и коммерческих предприятий во время первой пятилетки с 1958 г. началась чрезвычайно поспешная ликвидация остатков частной собственности путем превращения промышленных и коммерческих предприятий в государственную собственность, обязательного вступления отдельных ремесленников в ремесленные кооперативы, в результате чего в стране сложилась унитарная структура собственности на средства производства. В августе 1958 г. Политбюро ЦК КПК приняло резолюцию о «создании народных коммун в деревне», в которой отмечалось, что «осуществление коммунизма в Китае кажется уже не каким-то делом далекого будущего, необходимо, активно используя формы коммун, искать конкретный путь перехода к коммунизму»⁴⁷. Так в Китае развернулась кампания «коммунизации» деревни, бывшие сельскохозяйственные производственные кооперативы соединялись в народные коммуны, осуществлялся переход от групповой собственности к государственной, в течение всего лишь месяца практически все крестьянство вступило в народные коммуны, в которых совмещались «промышленность, сельское хозяйство, торговля, просвещение и военное дело»⁴⁸. Наиболее характерная черта этой кампании – тотальное обобществление собственности. В коммунах обобществление распространилось даже на предметы бытового назначения, «в случае необходимости» коммуна имела право временно конфисковать все предметы домашнего обихода членов коммуны. После принятия на 6 сессии VIII съезда КПК в декабре 1958 г. «резолюции по ряду вопросов коммуны»⁴⁹ ЦК КПК начал призывать мобилизовать массы на проведение экспериментов по созданию повсеместно городских коммун различных видов. Вскоре движение за коммунизацию в городах стало происходить на тех же принципах, что и создание сельских коммун. По статистике Общенационального генерального профсоюза Китая, к июлю 1960 г. «коммунизация» города в основном завершилась, в 190 больших и средних городах Китая были созданы 1 064 народные коммуны, включавшие более 55 млн человек⁵⁰.

Вторым шагом стали отмена торговли и денежного обращения, натурализация хозяйственных связей. В ходе политики военного коммунизма в Советской России установили государственную монополию на хлеб, ввели систему продовольственной разверстки. Постепенно эта политика расширялась, в разверстку включили картофель, сено, мясо и другие виды продовольствия и сырья. Торговля солью, сахаром, чаем, тканями, мылом, спичками и другими предметами первой необходимости была монополизирована государством, частную торговлю запретили⁵¹. Вводилась система натуральной оплаты труда, заработная плата выдавалась рабочим и служащим продовольствием и предметами первой необходимости. Ликвидировались кооперативы, все потребительские общества на местах принудительно сливались в «потребительские коммуны», в которые входило все население данной местности; в них осуществлялось бесплатное снабжение продуктами питания и промышленными товарами⁵². Так натуральное распределение заменило нормальную торговлю, что привело к почти полной ликвидации рынка и товарно-денежных отношений, натурализации экономических отношений. В результате стала ненужной кредитно-банковская система. В январе 1920 г. постановлением СНК был упразднен Народный банк, выполнение тех банковских операций, которые еще сохраняли силу, возложили на Наркомфин. Китайское правительство с 1953 г. приступило к централизованной покупке и продаже зерна, с течением времени включили в систему планирования масло, сахар, табак, алкоголь и другие продукты первой необходимости. В ситуации отмены товарного производства и обме-

на, отмены денег того времени основные принципы кредитования и системы управления Народного банка Китая были ликвидированы как «камни преткновения» развития производства, что вызвало инфляцию и бюджетный дефицит, привело к серьезному экономическому дисбалансу и денежно-кредитной неконтролируемости⁵³.

Третий элемент экономических экспериментов по немедленному введению коммунизма в СССР и КНР – утверждение уравнительного принципа распределения. В Советской России в период военного коммунизма был введен уравнительно-классовый принцип распределения, продовольственные и промышленные товары распределялись по карточкам, карточное снабжение вводилось по нескольким категориям в зависимости от классового статуса⁵⁴. Уравнительный принцип распространялся и на заработную плату, размеры вознаграждения рабочих за труд определялись тарифными положениями по группам и категориям в рамках профессии, которые выработывались профсоюзами по соглашению с руководителями или владельцами предприятий и утверждались Наркоматом труда⁵⁵. В конце 1920 – начале 1921 г. Советское государство стало переходить к бесплатному оказанию общественных услуг, отменялась плата за жилье, пользование электроэнергией, топливом, телеграфом, телефоном, почтой, снабжение населения медикаментами, ширпотребом и т.д.⁵⁶ В народных коммунах Китая вводилось уравнительное распределение доходов, ликвидировался принцип материальной заинтересованности и распределения по труду осуществлялось в основном административными средствами, уравнение богатых и бедных. Все члены коммуны бесплатно получали продукты в соответствии с установленными государством нормами. Системы снабжения различались в разных местностях; в некоторых коммунах удовлетворяли не только главные нужды их членов (зерно и продукты), но и обеспечивали их одеждой, жилищем; оплаты стрижки волос, просмотра фильмов, медицинских расходов и расходов по рождению, образованию, бракосочетанию или похоронам и т.д. тоже производились коммуной⁵⁷. Создавались общественные столовые, реализовался так называемый «обед большого котла», в то время «безденежное питание» было самым мощным девицом и популярной практикой, получившей высокую оценку председателя Мао как «наиболее значительная практика в качестве прецедента общественных столовых народных коммун»⁵⁸. В городах на предприятиях в основном отменили сдельную заработную плату и премии, на отдельных предприятиях зарплату полностью или частично заменили снабжением.

Еще одна общая черта сопоставляемых политических курсов – принудительный характер и милитаризация труда. В период военного коммунизма в Советской России была введена всеобщая трудовая повинность, труд стал обязательно-принудительным⁵⁹. «Характерной чертой трудового законодательства рассматриваемой эпохи, – отмечает современный историк, – было то, что регулирование всех условий труда, в частности вознаграждения за труд, совершалось жесткими принудительными мерами, издаваемыми сверху в порядке декретов и предписаний»⁶⁰. Рабочие и крестьяне переводились на положение мобилизованных солдат, превращались в бойцов трудового фронта, которых можно перебрасывать куда угодно, которыми можно командовать и которые подлежали уголовной ответственности за нарушение трудовой дисциплины. В Китае все рабочие силы народных коммун находились под единым руководством. Крестьяне как субъекты производства подлежали принудительной мобилизации и распределению, отменялась автономия производства и хозяйствования, труд становился нетворческой механической деятельностью. В коммунах активно проводились милитаризация организаций, военизация действий и коллективизация жизни⁶¹. Создавались трудовые армии, крестьяне были объединены во взводы, роты, батальоны и т.д., отправлялись солдатским шагом на полевые работы, зачастую буквально выполнялся призыв «ешь и спи на полях и борись день и ночь». Кроме того их перебрасывали с места на место, в другие районы и даже провинции, туда, где возникала потребность в рабочей силе. Ради того, чтобы мужчины и женщины жили в коллективах, ликвидировались семьи, разрушались крестьянские дома.

Таким образом, политика военного коммунизма в Советской России и Большого скачка в Китае имеют ряд сходных черт: изменение общественных отношений административными методами, концентрация всех средств производства и распределения в руках государства, уничтожение частной собственности, отмена торговли, свертывание рыночных отношений и замена их государственным распределением, уменьшение роли денег, попытки осуществления основных принципов социализма, описанных Марксом и Энгельсом, и непосредственного перехода к коммунизму.

При этом форсированная модернизация Китая на рубеже 1950–1960-х гг. характеризуется некоторыми особенностями. В первую очередь это стремление к достижению высоких темпов и высоких показателей производства и строительства. Кампания Большого скачка, направленная на укрепление индустриальной базы, и преследующая цель за несколько лет догнать и перегнать ведущие капиталистические страны, предусматривала многократный рост объемов выпуска важнейших видов промышленной продукции и быстрое увеличение объемов производства продукции сельскохозяйственной. В передовой статье газеты «Жэньминь Жибао», опубликованной в первый день 1958 г., был обнародован план догнать и перегнать Англию по производству важных промышленных товаров в течение приблизительно 15 лет, США – в течение 20–30 лет, потом срок выполнения этой цели непрерывно сокращался, например, догнать и перегнать Англию предполагалось за 10, 7 лет и, наконец, за 3 года⁶². Ключевым показателем развития промышленности считался объем выпуска стали, согласно лозунгу «Сталь – основа скачка во всех направлениях». Несмотря на то, что в Китае того времени имела возможность выплавлять только 5 350 тыс. т стали, была поставлена нереальная цель: в 1958 г. удвоить объем ее производства по сравнению с 1957 г., а в 1959 г. довести его до 30 млн т. В сельскохозяйственном секторе проводился курс «Зерно – основа скачка во всех направлениях», в соответствии с которым предполагалось в 1958 г. увеличить валовую продукцию сельского хозяйства на 80% по сравнению с 1957 г., а в 1959 г. – на 50% по сравнению с 1958 г., и довести до 1 050 млрд кг⁶³. Металлургические комбинаты не имели возможности выполнить установленные планы производства, и весь народ был призван участвовать в выплавке стали: крестьяне и городские рабочие оставили свои занятия, начав массовое сооружение базы «малой металлургии» – мелких кустарных доменных печей⁶⁴. Главы местных администраций в целях выполнения нереально высоких показателей сельскохозяйственного производства практиковали приписки и соревновались в «запуске высокоурожайных спутников», т.е. сообщений о высоких объемах сельскохозяйственной продукции. В СМИ часто можно было увидеть репортажи об урожае 10 тыс. кг зерна на одно му⁶⁵, в то время был популярней лозунг «Столько смелости у человека, сколько урожая у земли»⁶⁶. Второй особенностью Большого скачка стала децентрализация экономического управления. В Китае произошла серьезная путаница в управлении предприятиями, что привело к значительному снижению экономической эффективности⁶⁷. В деревне народная коммуна являлась одновременно и органом управления, и хозяйственной организацией, обладавшей полнотой власти и в области хозяйства, и в административной сфере. Чтобы достичь «увязывания друг с другом промышленности, сельского хозяйства, торговли, просвещения и военного дела», управление коммерческими, продовольственными, финансовыми, банковскими и другими учреждениями и кадрами в сельской местности передавалось государством народным коммунам, им же принадлежали права использования имущества этих учреждений⁶⁸. Кроме того для Китая были характерны массовая мобилизация людских ресурсов и проведение массовых акций. Движение «массовой мобилизации всего народа» началось в отраслях промышленности, сельского хозяйства, транспорта, научных исследований, культуры, здравоохранения, военной и др.⁶⁹ На ранней стадии Большого скачка кампания получила народную поддержку, пока еще интересам народа не было причинено большого вреда. Значительная часть крестьянства верила в возможность достижения после «трех лет упорного труда» «десяти тысяч лет счастья». Мао Цзэдун пользовался искренней любовью и поддержкой китайского народа, с течением времени любовь и доверие на-

рода к лидеру превратились в религиозный культ, председатель Мао считался воплощением истины, дальновидным и проницательным «спасителем человечества»; в условиях единодушного отклика на любой его призыв Большой скачок, и «коммунизация» деревни могли быть мгновенно проведены в жизнь.

Причины и последствия принудительного осуществления коммунистической модернизации

Сюй Цзиньцю: Исторические обстоятельства и вариативность преодоления опыта «форсированного введения коммунизма»

Сравним причины и обстоятельства введения Большого скачка и военного коммунизма. По поводу последнего в историографии существуют две точки зрения. Некоторые историки полагают, что он был полностью обусловлен чрезвычайными обстоятельствами войны, проведение такой политики советской властью стало вынужденной мерой мобилизации всех сил народа и ресурсов государства на дело обороны, единственным для партии способом удержать власть⁷⁰. Вместе с тем абсолютное большинство современных историков считает, что объективные исторические условия не являлись решающим фактором введения военного коммунизма, он задумывался как способ форсированного перехода к коммунизму, являясь не столько чрезвычайной военной мерой, сколько доктринальной концепцией социалистической экономической модели⁷¹.

Большой скачок, в отличие от политики военного коммунизма проводился не в такой кризисной ситуации. Китай выиграл войну в поддержку Северной Кореи против США, после экономического восстановления в течение трех лет со дня создания КНР началось планирование социалистического строительства, более рациональными путями поэтапно совершались социалистические преобразования сельского хозяйства, ремесел, капиталистической промышленности и торговли, создавалась социалистическая государственная собственность⁷². В государстве перевыполнялись планы первой пятилетки, были заложены основы социалистической индустриализации. В 1957 г. общий объем промышленной продукции превысил план на 21%, по сравнению с 1952 г. – на 147%⁷³. Таким образом, международное и внутреннее положение Китая во время проведения кампании Большого скачка было благоприятным.

Взгляды ученых на причины введения Большого скачка также различаются. Изучение этой кампании началось в Китае после принятия «резолюции по ряду исторических вопросов партии с момента создания КНР» на 6 сессии XI съезда КПК в 1981 г. Используя в качестве методологической основы исторический материализм Маркса, китайские ученые рассматривают объективные, социально-исторические и субъективные факторы введения Большого скачка. К объективным факторам они относят, в первую очередь сложившуюся внешнеполитическую ситуацию: после XX съезда КПСС социалистические страны во главе с СССР приняли догоняющую Запад стратегию развития, отношения Китая с Советским Союзом ухудшились; все это побуждало Мао Цзэдуна выдвинуть идею конкуренции не только с западными странами, но и с СССР⁷⁴. Объективными факторами являются также высокая концентрация политических и экономических институтов и несовершенство демократической правовой системы, что создало условия для формирования личной диктатуры Мао Цзэдуна и введения Большого скачка с точки зрения организации политической системы⁷⁵. Социально-исторические причины кампании китайские историки видят в существовании в стране огромного количества мелких производителей, которые под влиянием китайской традиционной мысли и культуры имели психологическую склонность к социальному повиновению и слепому поклонению авторитарному лидеру – они предпочитали пассивно подчиняться той или иной политической кампании, поступать в соответствии с доминирующими социальными веяниями. Среди народа была популярна утопическая идея быстрого достижения богатства и могущества Родины, а также идея уравниловки, вследствие чего

народ повиновался безумным актам власти во время Большого скачка. Массы, хотя и являлись жертвами этой кампании, в некоторой степени были и ее создателями, а неправильные решения Мао Цзэдуна реализовывались именно благодаря их участию⁷⁶. Субъективные факторы введения Большого скачка состоят в искаженном понимании социализма Мао Цзэдуном, который игнорировал объективные закономерности, преувеличивал роль народной инициативы в стимулировании развития производительных сил, стремился осуществить их быстрое развитие и изменить облик бедного и отсталого Китая⁷⁷. Он намеревался отказаться от советской модели развития, предпочитая искать собственный путь социалистической модернизации⁷⁸. К субъективным факторам относятся также борьба среди лидеров КПК и преобладание левого уклона в партийной борьбе⁷⁹.

Западные ученые, изучая Большой скачок, используют кремлинологию⁸⁰, новый структурализм, количественные методы и подходы социальной истории, выдвигают свои парадигмы и модели исследования. Существуют две основные модели, объясняющие причины введения Большого скачка: «элитная» и «рациональная», в рамках которых насчитывается более 10 теорий. «Элитная модель» исходит из предположения, что кампания стала результатом непрерывной борьбы в высшем руководстве КПК из-за власти, политических предпочтений, столкновения идеологий, бюрократических и других интересов. В контексте этой модели развиваются теории: «под командой Мао Цзэдуна», «борьба на две линии», «борьба фракций», «цикл», «бюрократическая политика», «дворцовая политика» и т.д.

Согласно теории «под командой Мао Цзэдуна», Большой скачок – это плод коллективного творчества лидеров КПК под руководством Мао Цзэдуна, у которых сохранялась высокая степень единства, а разногласия существовали только по частным вопросам; наличие фракционной борьбы отрицается⁸¹. «Борьба на две линии» предполагает наличие до введения кампании у руководителей КПК двух противоположных «линий» по вопросам политического, социального и экономического развития Китая. Мао Цзэдун придерживался «левой» линии «правильного социализма», в которой делался акцент на уверенность в своих силах, массовые движения, идеологические стимулы, на сокращение роли технических знаний, эгалитаризм, главенство политики. Лю Шаоци избрал «правую» линию «неправильного капитализма», с ее идеями опоры на СССР, упорядоченного развития, материальными стимулами, придания важного значения техническим знаниям, главенством экономики. Экономическая политика КПК зависела от соотношения сил сторонников этих двух линий. Большой скачок был результатом победы маоистов⁸².

По теории «борьбы фракций», среди руководителей Китая существовали две фракции: «международная» во главе с Чжоу Эньлаем, которая во внешней политике придерживалась идеи сотрудничества с Советским Союзом, во внутренних делах предпочитала ортодоксальную сталинскую модель, ориентировалась на технические знания, крупную промышленность и организационный контроль, и «внутренняя» во главе с Лю Шаоци, которая в международных делах ставила интересы Китая на первое место, не считая нужным согласование с руководством СССР, а во внутренних – делала акцент на идеологическую мобилизацию, приоритет человеческих ресурсов над технологиями, мелкой промышленности над крупной. Сила «внутренней» фракции была в основном сосредоточена в партийной верхушке, а сторонников «внешней» – в государственном аппарате. Введение Большого скачка связывалось с победой «внутренней» фракции, а его основным зачинщиком являлся Лю Шаоци, а не Мао Цзэдун⁸³.

Теория «цикла» предполагает, что кампания Большого скачка явилась одним из циклов в современной китайской истории. В руководстве КПК сложились две «концептуальные группировки» – «консервативная» («прагматическая») и «радикальная», которые отстаивали два соответствующих вида стратегии развития. Когда превалировала «радикальная группировка», то политический маятник качался влево, осуществлялась политика быстрых революционных изменений, приоритет отдавался мобилизации масс и способности преодоления объективных условий волей народа. Когда

побеждала «консервативная группировка», политический маятник качался вправо, провозглашалось постепенное развитие, использование материальных стимулов и учет объективных условий. Политика КПК, как маятник, постоянно качалась «влево» и «вправо», между консерватизмом и радикализмом. Введение Большого скачка было вызвано тем, что в очередной раз взяла верх «радикальная группировка»⁸⁴.

Согласно теории «бюрократической политики», революционная власть КПК имела пять основных функций: сбора средств, безопасности, экономического развития, национальной интеграции и социальных преобразований. Соответственно, организационные структуры для выполнения этих функций в то время составляли пять систем китайского бюрократического аппарата: система сбора и распространения средств, т.е. финансовая коалиция; система экономической трансформации, т.е. коалиция планирования и тяжелой промышленности; система интеграции, система социальных преобразований, возглавляемых Коммунистической партией Китая, система безопасности, осуществляемая армией и полицией. Финансовая коалиция (Чэнь Юнь, Ли Сяньнянь, Дэн Цзыхуэй) выступала за использование рынка, материальных стимулов, увеличение инвестиций в легкую промышленность и сельское хозяйство, осуществление финансового контроля, избавление от советской модели экономического развития в целях обеспечения стабильного, постепенного роста. Коалиция планирования и тяжелой промышленности (Ли Фучунь и Бо Ибо) поддерживала развитие тяжелой промышленности за счет сельского хозяйства и легкой промышленности. Кампания Большого скачка стала результатом победы этой коалиции. Мао Цзэдун и другие руководители КПК, не знаящие экономических законов, принимая решения, ограничились представленными бюрократическим аппаратом вариантами в соответствии с собственными предпочтениями. Другими словами, решающее значение имели интересы и позиции бюрократического аппарата⁸⁵.

Согласно теории «дворцовой политики», в 1955–1959 гг. Мао Цзэдун имел «безраздельное политическое господство», а Большой скачок – это продукт его «дворцовой политики» (a court politics). По словам современного исследователя, «Мао сделал себя Богом и командиром своих коллег, центральное руководство стало шаблонной группой, утверждающей мнения, предпочтения и политику Мао». Особенностью Большого скачка явилось то, что Мао Цзэдун намерен был использовать власть для реализации своих взглядов. Кампания стала следствием замысла Мао осуществить быструю экономическую и социальную трансформацию Китая, построить мощную социалистическую страну, опираясь на дисциплинированную партию ленинского типа⁸⁶.

«Рациональная модель» подчеркивает, что кампания Большого скачка стала ответом КПК на изменения в политической, экономической, социальной и внешнеполитической обстановке; в этом ракурсе развиваются следующие теории: «последствия пятилетнего плана», «устранение узкого места сельского хозяйства», «независимое развитие», «реакция на кризис», «третий путь», «революционное наследие», «непрерывная революция», «слияние двух стратегий развития» и т.д.

По теории «последствия пятилетнего плана», кампания была ответом Китая на вызванные первой пятилеткой экономические и политические трудности⁸⁷. К ней примыкает теория, гласящая, что после первой пятилетки сельское хозяйство стало серьезной проблемой, ограничивающей дальнейшее развитие Китая, и первоначальной целью КПК при введении Большого скачка было «устранение узкого места сельского хозяйства»⁸⁸. Сторонники теории «независимого развития» видят причины кампании в том, что Китаю следовало избавиться от оков Советского Союза и реализовать независимый путь развития⁸⁹. Согласно теории «реакции на кризис», Большой скачок был «рациональным ответом» молодой китайской коммунистической власти на экономические, социальные и политические кризисы⁹⁰. Теория «третьего пути» предполагает, что Мао Цзэдун избрал Большой скачок в качестве особого варианта развития, который отличался как от «сталинской модели» концентрации власти, так и от ревизионистской «демократической модели» Чэнь Юня⁹¹. С точки зрения теории «революционного наследия», кампания воспроизводила революционную традицию и

опыт КПК, которые желал восстановить Мао⁹². В соответствии с теорией «перманентной революции», Большой скачок не являлся продуманным проектом, вызванным непредвиденными обстоятельствами или необходимостью модернизации, напротив, его идеологические истоки уходили своими корнями в представления Мао Цзэдуна о непрерывной революции⁹³. Согласно теории «слияния двух стратегий развития», Большой скачок был результатом синтеза двух глубоко укоренившихся стратегий: первая шла от сталинской традиции «революции сверху», вторая – от маоистской традиции победы «духа над материей». Эти стратегии, каждая со своим собственным уникальным социально-политическим сознанием и соответствующими мерами, в совокупности составляли ядро программ и политики Большого скачка⁹⁴.

В условиях относительного отставания в экономическом и культурном развитии нецелесообразное осуществление принципов социализма, несоответствующее состоянию производительных сил, причинило огромный ущерб и привело к тяжелым последствиям и в Китае, и в России.

В Советской России в 1920 г. промышленное производство сократилось по сравнению с 1913 г. в 7 раз, производство хлеба и многих других сельскохозяйственных продуктов снизилось вдвое⁹⁵, следствием чего стал экономический кризис. В Китае кампания «коммунизации» деревни вызвала производственную путаницу, участие всего народа в выплавке стали пагубно повлияло на нормальное производство, большинство рабочих рук было мобилизовано из сектора сельского хозяйства в сектор промышленности, что способствовало серьезному дисбалансу соотношения основных отраслей народного хозяйства. В 1960 г. фактический урожай зерна снизился на 26.4% по сравнению с 1957 г. Хотя Большой скачок не привел к снижению объема продукции в промышленности, но он сказался на нарушении пропорций. За 1957–1960 гг. доля объема производства продукции легкой промышленности понизилась с 53.5 до 33.4%, тогда как доля тяжелой промышленности увеличилась с 46.5 до 66.6%⁹⁶.

Политика военного коммунизма, приведшая к сокращению промышленного и сельскохозяйственного производств, и неурожаю в некоторых областях страны привели в Советской России к возникновению голода, от которого, по данным официальной статистики, в 1921–1922 гг. умерли 5 млн человек. В 1959–1961 гг. в Китае сложилась беспрецедентно тяжелая ситуация с продовольственным снабжением, что привело к серьезнейшему голоду в китайской истории, десятки миллионов людей погибли⁹⁷. О причинах голода в КНР во время Большого скачка в научном сообществе существуют разногласия. Некоторые ученые полагают, что голод во многом был вызван «стихийными бедствиями», поскольку с 1959 г. по 1961 г. в Китае наблюдались большие засухи⁹⁸. Другие опровергают эту точку зрения и доказывают, что климат в стране в эти годы был вполне благоприятным для сельского хозяйства, а формулировка «стихийные бедствия трех лет» – результат пропаганды, поскольку голод был вызван исключительно кампанией Большого скачка, что стало «политической» катастрофой⁹⁹. Что касается человеческого фактора, то самая популярная точка зрения заключается в том, что голод связан с государственной закупкой зерна, из-за чего образовалась нехватка продовольствия в коммунах. Некоторые ученые указали и на ряд других факторов: иррациональная система общественных столовых¹⁰⁰, политика преимущественного распределения продовольствия городам¹⁰¹, резкое снижение потребления продуктов питания крестьянами из-за существенного увеличения коллективных запасов в народных коммунах и др.¹⁰²

Экономический кризис в Советской России вскоре привел к политическому. Недовольство народа мерами советской власти трансформировалось в недовольство самим режимом: бунтовали крестьяне в деревнях, бастовали рабочие в городах и, наконец, произошло восстание солдат в Кронштадте, где был выдвинут лозунг «Советы без коммунистов». В Китае вызванные Большим скачком катастрофические разрушения и большой голод породили «кризис доверия» народа режиму. За первое десятилетие «удачного управления» КПК смогла приобрести большой запас народного доверия, на который могла рассчитывать, призывая население на борьбу и жертвы. Народ,

как правило, готов был приложить все усилия для достижения предлагаемых властью целей. Но неудача Большого скачка выявила, что лидер партии далеко не во всем прав и может совершать серьезные ошибки. В атмосфере цинизма и развала дисциплины у народа возникало недовольство властью, что сделало затруднительным процесс восстановления легитимности управления. Кроме этого, кампания Большого скачка оказала продолжительное влияние на политику, экологическую среду и социально-политическую культуру КНР. Она поставила политику Мао Цзэдуна под сомнение, что подрывало единство руководства КПК, поскольку в его среде возникли разногласия. Эскалация конфликта между государственными, военными, партийными лидерами в последующие семь лет становилась все более очевидной и в конечном счете привела к «культурной революции». В ходе кампании для сооружения «мелких кустарных домашних печей» из-за нехватки топлива в Китае началась массовая вырубка лесов, в результате чего по крайней мере 10% их было срублено за несколько месяцев, что нанесло огромный ущерб экологической среде. К аналогичным последствиям привела и политика в сельском хозяйстве: в русле следования курсу «Зерно – основа скачка во всех направлениях» был выдвинут лозунг «Провозглашения войны с природой», по всей стране вырубались леса, происходила мелиорация озер для посева зерна, было заброшено животноводство, так что скорость изменения взаимозависимости между человеком и природой превысила скорость адаптации природы.

В социально-политической культуре Китая Большой скачок стал источником коррупции. Для этого периода характерны нереально завышенные показатели развития, искажение статистических данных и игнорирование научных знаний. КПК пыталась исправить и устранить бюрократические проблемы революционными средствами «дерегуляции» и «дерегуляризации» администрации для адаптации к экономическому развитию, но такие «революционные» средства вели к «непрофессионализму», в результате чего возникла политизация административного персонала, политическая трусость, бюрократическая волокита, стремление угодить руководству, чтобы избежать ответственности за свои действия¹⁰³. Все это оказало влияние на отношения и поведение служащих, стало источником их коррумпированности и во время Большого скачка, и в последующие десятилетия.

Таким образом Большой скачок в Китае и политика военного коммунизма в Советской России принесли огромные страдания их народам и ущерб самим странам. В СССР после кратковременного нэпа была создана сталинская система экономики – в некотором смысле повторение военного коммунизма, в результате чего Советский Союз в процессе обхода «кавказских ущелий капитализма»¹⁰⁴ потерпел поражение. По сравнению с СССР поиск путей социалистического строительства в КНР оказался более извилистым, но и более удачным. После эпохи Мао Цзэдуна понимание природы социализма непрерывно углублялось; было провозглашено, что его сущность «состоит в освобождении и развитии производительных сил, ликвидации эксплуатации и классового расслоения, и в достижении в конце концов общего благосостояния»¹⁰⁵. Китай, следуя курсом неуклонного развития социалистической рыночной экономики, проведения политики реформ и открытости, осуществляет великий путь социализма с китайской спецификой.

Итоги и перспективы преобразований позднего СССР

Цзо Фэнжун, Люй Жуйлинь: СССР и Китай в переходе к модернизации в новых формах: успех и неудача

В 1980-х гг. и в Китае, и в СССР осуществляли реформы – отказ от традиционного социализма, сталинской модели, искание нового выхода в модернизации. В чем причины различия результатов? В первую очередь это объясняется отличием внутривнутриполитической ситуации в КНР и СССР в период модернизации. Реформы в КНР начинались

«снизу»: их отправной точкой считается договор об аренде земли, подписанный сельскохозяйственными предприятиями провинции Аньхуэй с местными органами власти. Напротив, в СССР реформа началась «сверху» и не обеспечивалась такой народной поддержкой.

В Китае, аграрное население которого составляло 80%, производительные силы главным образом были представлены физическим трудом. Крестьяне надеялись на выход из колхозов и на переход к индивидуальной трудовой деятельности. Поэтому, когда правительство дало им такое право, ситуация в деревне сразу преобразилась. В 1983 г. политика подворного подряда – «закрепить производственные задания за крестьянскими дворами» – распространилась по всей стране, в октябре того же года ЦК партии и Государственный совет объявили «об отделении функций управления от народной коммуны, создании местного управления», официально аннулировали народную коммуну. После удачной реформы в сельском хозяйстве Китай начал реформу в промышленности и в других сферах.

В СССР к тому моменту, когда к власти пришел М.С. Горбачев, сложилась иная ситуация: страна уже не аграрная, основой экономики являлись ВПК и тяжелая промышленность, которые требовалось значительно сократить и перестроить для стимулирования экономического развития при условии привлечения большого количества инвестиций и обновления оборудования и технологий. Сельского населения в СССР было немного: в 1987 г. 61.8% составляли рабочие, 16.2% – служащие и только 12% – колхозники. Горбачев предложил последним передать в аренду землю на 50 лет, что не было принято, поскольку у колхозников не оказалось денег для покупки машин, а для поддержания личного существования вполне хватало и приусадебного участка.

В Китае модель плановой экономики применялась более короткое время, и в стране еще оставались те, кто знал, что такое рыночная экономика. 17 января 1979 г. Дэн Сяопин встретился с пятью представителями торгово-промышленных кругов (Ху Цзюевэнь, Ху Цзыан, Жун Ижэнь, Чжоу Шутао, Гу Гэньюй), бывшими известными капиталистами. «Сейчас мы начинаем заново строить, путь надо расширять, мы можем использовать иностранные инвестиции и технологии, китайские люди, живущие за границей, и их потомки смогут вернуться в Китай для создания новых заводов...», – сообщил им Дэн Сяопин. – Нужно пригласить бывших представителей торгово-промышленных кругов и дать им возможность проявить себя, надо использовать квалифицированных специалистов и руководителей, и нам необходимо воплощать эту политику в жизнь. Короче говоря, надо использовать финансовые средства и человеческий капитал». «Надо управлять экономикой по правилам экономики, – сказал он Жун Ижэню, в то время управлявшему Китайской инвестиционной компанией, – подписывать договоры на взаимовыгодных условиях, иначе договор не надо заключать, надо исключить негативное влияние политической сферы на экономику». «После осуществления этой политики и в торгово-промышленной сфере еще остались деньги, частным лицам можно будет попробовать открывать заводы, – продолжал лидер КПК, – или вложить деньги в развитие туризма для получения иностранной валюты, не следует хранить лишние деньги в кармане». В тот раз Дэн Сяопин впервые заговорил о привлечении иностранной валюты и предоставлении возможности бывшим представителям торгово-промышленных кругов открыть собственные предприятия. КПК пригласила обратно бывших капиталистов, чтобы вместе приступить к экономическим реформам, и многие из них начинали частный бизнес на капитал, полученный от правительства. В результате в Китае восстановилось ранее запрещенное частное предпринимательство.

В 1979 г. образованная молодежь (8 млн человек) вернулась из деревни в город, государство не смогло обеспечить всех рабочими местами, и многим из них пришлось надеяться на самих себя, начав при поощрении правительства собственный бизнес. До конца 1981 г. количество частных предприятий увеличилось до 2.61 млн, а занятого в них населения – до 3.2 млн человек. В 1982 г. на 5 сессии V Съезда народных депутатов КНР было зачитано постановление об изменениях, вносимых в конституцию страны, в частности, ст. 11 гласила: «На законных основаниях частное предпри-

нимательство является дополнением государственной социалистической экономики, государство обеспечивает защиту интересов и законных прав частных предпринимателей, государство через административные органы власти управляет, способствует и контролирует частное предпринимательство». В конце 1988 г. в Китае насчитывалось 90 581 частное предприятие, в них были заняты 1.64 млн человек, сумма их капитала составляла 8.4 млрд юаней. Число индивидуальных предприятий достигало 14.53 млн, они задействовали 23.05 млн человек и владели капиталами на сумму 31.2 млрд юаней. В 1985 г. отменили политику централизованных закупок и сбыта. Экономика стала рыночной. 12 сентября 1997 г. на 15 съезде КПК было решено, что частное предпринимательство, которое ранее рассматривалось только как дополнение к социалистической экономической системе, становится одной из составных частей экономики.

В СССР ситуация была существенно иной: за годы советской власти плановая экономика охватила все сферы производства и потребительского рынка, в обществе осталось немного людей, которые знали и понимали, что такое товарный рынок. Советский Союз являлся огромной страной, и, несмотря на существующие проблемы, уровень жизни советских людей был значительно выше, чем в Китае. В обществе появились группы влиятельных людей и слои населения, довольные своей жизнью: правительство и руководители заводов не были заинтересованы в общественных изменениях, боясь потерять свое привилегированное положение в результате возможных реформ. Горбачев и его окружение предлагали варианты реформ, которые на деле было трудно воплотить в жизнь. Поскольку экономические реформы в стране не удались, Горбачев приступил к изменению политической системы, что позволило бы ему устранить препятствия для преобразований в экономике. Демократия и гласность расшатали политическую основу советской власти, ослабили ее способность управлять обществом. В итоге, в нем возникли противоречия и конфликты между различными политическими группами, сторонниками и противниками реформ, центральными и местными органами власти, различными национальными группами. Все это привело к негативным последствиям в политической и экономической жизни страны и к провалу реформ в целом.

Прошло 20 лет со дня распада СССР. Осуществление реформ в Китае вступило в ключевой период, столкнувшись со многими противоречиями и проблемами. Россия, в свою очередь, выходит из кризиса и ищет собственную концепцию модернизации. Вопрос о том, какая стратегия модернизации лучше, еще не решен историей. Но очевидно, что в условиях глобализации перспективы преобразований в любой стране определяются способностью постоянного и динамичного реформирования с учетом тенденций мирового развития.

Ван Юэшиэн: Неформальная экономическая система и российская трансформация

Создание и эффективная работа любой экономической системы должны соответствовать социальной (государственной) неформальной системе (культуре, традициям, обычаям, образу поведения, идеологии и т.д.), иначе формальная система не может эффективно работать. На наш взгляд, китайская экономическая трансформация успешнее российской, потому что она опирается не только на способы институциональных изменений, но и на социальные и культурные традиции, учитывая соотношение между неформальной и формальной системами рыночной экономики. Недостаточная эффективность российской рыночной экономической системы связана с тем, что Россия не обратила достаточного внимания на совместимость между рыночной экономикой и культурой своей страны. В России не найти тех представлений о тактике реформ, которые есть в Китае и выражаются формулами – «проходить через реку, ошупывая камни», «параллельная система», «некий пионер реформы», «разделение политической и экономической реформы». Хотя в настоящее время некоторые русские восхищаются тактикой китайских реформ, но все еще презирают как беспринципный «прагматизм», так и «теорию малых дел». Представление о реальной мотивации поведения в русском

обществе можно получить, лишь обратившись к изучению неформальных социальных практик России.

Существует прямая связь между введением института частной собственности и ролью неформальной системы понятий и ценностей. Одной из предпосылок рыночной экономической системы является признание собственности и прав владения ею с целью получения доходов и обогащения. Но в традиционной русской культуре укоренилось понимание, согласно которому права собственности в иерархии социальных ценностей зависели от статуса, а последний никогда не был равен для всех. В результате, интерес к обладанию собственностью всегда был менее значительным, чем к приобретению статуса во властной иерархии. С другой стороны, вытекающее из обладания собственностью требование упорного труда всегда вступало в конфликт с традиционными патерналистскими представлениями крестьянства. Эффективная рыночная экономика неотделима от духа предпринимательства, активной деятельности миллионов предпринимателей: они должны найти свои собственные источники сырья, рынки сбыта, взять на себя ответственность и каждый день мириться с неопределенностью и рисками. Но именно таких традиций и представлений не хватает в России. Индивид, поставленный перед необходимостью жесткого выбора, никогда не сделает его в пользу неопределенности, ибо сразу теряет мотивацию к творческой деятельности. В результате, по нашему мнению, экономическая трансформация, ориентированная на приватизацию как способ повышения мотивации к труду, столкнулась с вполне естественным результатом снижения производства. В конечном счете формальная экономическая система может быть искажена или частично заменена спонтанным регулированием неформальной системы и будет действовать по-другому. Если конфликты между общественными ценностями и реальностью достигнут высокой степени, напряжение приведет к социальному взрыву, угрожая самому существованию формальной системы.

Перемены в истории русского сельского хозяйства хорошо показывают роль неформальной системы. Крестьяне со времен общины и колхозов привыкли к совместной работе, внутреннему разделению труда и четкому распределению ответственности, чему должна в идеале соответствовать новая формальная система. Принятие другой стратегии реформ столкнулось с препятствиями: процесс русской сельскохозяйственной приватизации происходил гораздо медленнее, чем ожидалось. В конце 1995 г. частные фермы владели лишь $\frac{1}{10}$ земель сельскохозяйственного назначения, тогда как правительство предполагало что в их собственности будет $\frac{1}{3}$ земель. А большинство созданных частных семейных ферм обанкротилось из-за неэффективного управления (в 1992–1994 гг. общее число банкротств достигало 10%). Большинство партнерских обществ коллективного характера, акционерных обществ, сельскохозяйственных кооперативов и других производительных ассоциаций сформировалось спонтанно¹⁰⁶. Формальная система, не соответствовавшая традиционным отношениям сельского общества, стала постепенно вытесняться соответствующей неформальной системой (ассоциациями сельскохозяйственного производства).

Традиционный тип отношений между обществом и государством в российской истории отводит последнему роль защитника интересов населения, гаранта социальной справедливости. В период масштабных перемен в ходе экономической трансформации, когда социальная структура распалась, а поляризация между богатыми и бедными обострилась, общество вновь стало апеллировать к государству, считая, что только оно сможет беспристрастно защитить справедливость, равенство и общие социальные ценности. Но в рыночной экономике государство выполняет совершенно другие функции, не имеющие ничего общего с социальным патернализмом. По данным на 1994 г., только 23% населения были согласны работать в условиях неопределенности (без гарантий на будущее), а брать на себя социальную ответственность оказались готовы лишь 6% людей; остальные считали, что создание системы эффективного социального обеспечения есть дело государства¹⁰⁷. Таковы были реалии переходного периода в России. При доминировании таких ценностей и стереотипов социальной психоло-

гии рыночная экономическая система не может функционировать эффективно. Таким образом несмотря на то, что в России было установлено большинство формальных элементов рыночной экономики, полноценного «институционального равновесия» достичь не удалось.

Хоу Айцзюнь: Трудности модернизации Средней Азии

Средняя Азия должна стать независимым сознательным международным политическим субъектом, соединить историю с реальностью, чтобы осуществить творческую трансформацию традиции, последовать за ходом некоторой интеграции. Все страны региона тесно зависят не только друг от друга, но и от внешних связей, более того, такая зависимость увеличивается с каждым днем, поэтому они должны создать политическое образование на более высоком организационном уровне, возможно, по «модели ЕС».

До присоединения к Российской империи в странах Средней Азии существовали два вида традиционного общества: оседлое и кочевое, а модернизация в форме «русификации» или «советизации» способствовала переходу традиционного общества к индустриальному. На протяжении 100 лет страны Средней Азии претерпели значительные изменения, но не стали современными в полном смысле: индустриализация была проведена в ограниченной степени, социальная организованность осталась низкой, и что еще более важно, – там не была реализована модернизация сознания отдельного человека. Процесс трансформации и модернизации неизбежно приводил к проблемам.

В Кыргызстане в тесной связи с процессом модернизации происходили так называемые революции, межэтнические конфликты, политические убийства и другие акты политического насилия. Коррупция, кумовство, поляризация между богатыми и бедными и т.д., являются общими проблемами, существующими в трансформируемых странах. Однако «революцию», которая произошла в марте 2005 г. в Кыргызстане и была обусловлена внутренними явлениями, вызвало воздействие внешних сил. В связи с этим «революция» небольшого Кыргызстана с малым населением отличается от распада сверхдержавы СССР (решающая причина распада которого состоит во внутренних факторах).

С 1920 г. советское правительство прививало жителям Средней Азии национальное самосознание, заложив основы формирования современных наций. С 1991 г. Кыргызстан вступил на путь независимости, но, конечно, не с нуля, ведь в советский период он получил значительный опыт (союзная республика обладала некоторой «квази-государственностью»). В период президентства О. Акаева отмечался 2 200-летний юбилей государственности Кыргызстана, хотя, конечно, это идеологический миф, а не научный факт. Данная точка зрения основывается на единственном свидетельстве – «Исторических записках» Сыма Цяня («на севере завоевали Хуньюй, Цюйшэ, Динлин, Гэкунь, Синьли и другие царства»). Однако по семантике древнего китайского языка «царство» не означает настоящую государственность: скорее всего, речь шла о краткосрочных племенных союзах; 2 200 лет являются лишь приблизительной цифрой; «цзянькуны» не являются прямым эквивалентом кыргызов, а только одними из предков сегодняшних кыргызов. Впрочем, подобные политические мифы в некоторой степени имеются у всех стран. В реальности же процесс формирования Кыргызского современного национального государства длился всего 15 лет, был разбит «цветной революцией», и начался «обратный процесс» (ликвидация государственности), звеньями которого и стали «революция» и межэтнические конфликты.

Модернизация в Средней Азии часто совпадала с процессом интеграции с Россией. Русская, а позже советская цивилизация были главной движущей силой преобразований в этом регионе. Средняя Азия поочередно пережила греческое, тюркское, китайское, монгольское и исламское, русское и советское влияния. К настоящему времени следы всех остальных цивилизаций почти не сохранились, только исламская и советская цивилизации стали двумя традициями, которые решают историческую судьбу

Средней Азии. Она выступает и как развивающееся общество, и как общество современного типа; на нее влияют как исламская, так и русская цивилизации. Может быть, сегодня мы еще можем называть все русскоговорящие страны советскими государствами, подобно тому, как сохраняется определенное культурное единство всех стран-членов Британского Содружества после распада Британской империи. Отношения между Россией и Средней Азией подобны отношениям между Великобританией и странами-членами Британского Содружества. Несмотря на распад единой государственности, советское общество, на наш взгляд, до сих пор продолжает существовать¹⁰⁸. Таким образом постсоветские государства остаются геополитическим, гецивилизационным явлением. Все народы неоднократно возвращаются к традициям на разных стадиях своего развития, чтобы искать духовные ресурсы, благодаря которым они смогут вести новую жизнь. Это есть не только инерция, но и инстинкт самосохранения и развития цивилизации.

Материал подготовил А.Н. Медушевский

Примечания

¹ См.: Аналитическая история: Журнал и приоритетные направления его развития // Отечественная история. 2008. № 5; Российская история: новые рубежи и пространство диалога // Российская история. 2009. № 1.

² См.: Китай и Россия. Общее и особенное в социально-экономическом развитии. М., 2005.

³ См.: К 150-летию со дня рождения П.А. Столыпина // Российская история. 2011. № 2.

⁴ Ленин В.И. Избранные произведения. Т. 4. Пекин, 1995. С. 773.

⁵ Там же. С. 576.

⁶ Сборник резолюций съездов Коммунистической партии СССР, заседаний депутатов и центральных пленумов. Т. 3. Пекин, 1956. С. 169.

⁷ Сталин И.В. Собрание сочинений. Т. 10. Пекин, 1991. С. 256.

⁸ См.: РГАСПИ, ф. 17, оп. 68, д. 462, л. 2; Бинеман Я., Хейман С. Кадры государственного и кооперативного аппарата СССР. М., 1930. С. 81.

⁹ Шинкарук С.А. Отражение политической конъюнктуры в повседневной жизни населения России // Российская повседневность 1921–1941 гг.: Новые подходы. СПб., 1995. С. 23.

¹⁰ Власов Ю. Добровольные объединения как форма советской демократии // Советское строительство. 1929. № 4. С. 65.

¹¹ С 8 по 15 съезды партии с 1919 г. по 1927 г. число депутатов, окончивших вузы, снизилось с 23.9 до 4.4%, (т.е. в 5.43 раза); число депутатов, получивших среднее образование, снизилось с 24.9 до 12.9%, (в 1.93 раза). С 8 по 14 съезд партии (1925 г.) с 37 до 66.1% возросло число депутатов, имеющих лишь начальное образование. См.: РГАСПИ, ф. 17, оп. 68, д. 449, л. 66. Из-за низкого образовательного уровня партийные руководители не понимали экономического подхода к управлению народным хозяйством. Неудивительно, что ЦК отклонил предложение Бухарина использовать принципы нэпа для преодоления кризиса хлебозаготовок.

¹² Ежегодник Китайской Народной Республики, http://www.gov.cn/test/2005-06/24/content_9300.htm

¹³ Дэн Сяопин. Избранное. Т. II. Пекин, 1994. С. 164.

¹⁴ Там же. С. 236.

¹⁵ Там же. Т. III. Пекин, 1994. С. 372.

¹⁶ Цзян Цзэминь. Сочинения. Т. III. Пекин, 2006. С. 1–5.

¹⁷ Там же. С. 286–287, 340, 342.

¹⁸ Конституция КНР 1982 г. (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.) Глава 1, ст. 11 [Электронный ресурс] / Законодательство Китая. Консалтинговая группа «Окно в Китай». Режим доступа: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution_ch1, свободный (дата обращения 20.01.2012).

¹⁹ Закон КНР о вещных правах [Электронный ресурс] / Законодательство Китая. Консалтинговая группа «Окно в Китай». Режим доступа: http://chinalawinfo.ru/civil_law/law_real_right_plch1, свободный (дата обращения 20.01.2012).

²⁰ В Китае формируется новая социальная прослойка [Электронный ресурс] / Газета «Женьминь жибао» он-лайн. Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31521/5396969.html>, свободный (дата обращения 20.01.2012).

- ²¹ The New Palgrave: A Dictionary of Economics. Vol. 2. L., 1987. P. 797.
- ²² Дневник Цзэн Гофаня. Пекин, 2010. С. 1795.
- ²³ Полное собрание сочинений Цзэн Гофаня. Пекин, 2001. С. 588.
- ²⁴ Полное собрание сочинений Ли Хунчжана. Пекин, 2008. С. 212.
- ²⁵ История занятия иностранными делами. Пекин. Т. 25. С. 10.
- ²⁶ Полное собрание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Пекин, 1965. С. 63.
- ²⁷ Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975. С. 66, 271, 293; она же. Промышленная революция в России в XIX в. М., 1990. С. 137, 235.
- ²⁸ Полное собрание сочинений Ли Хунчжана. С. 260.
- ²⁹ Там же. С. 63.
- ³⁰ Чжэн Гуаньин. Смелые речи при правлении мудрого государя. Пекин, 2002. С. 558.
- ³¹ Kipp J.W. M. Kh. Return on the Russian State and Economy: A Liberal Bureaucrat during the Crimean Era, 1854–60 // The Journal of Modern History. Vol. 47. No. 3. P. 442–447.
- ³² Саломатина С.А. Коммерческие банки в России: Динамика и структура операций 1864–1917 гг. М., 2004. С. 105.
- ³³ Kipp J.W. Op. cit. P. 459.
- ³⁴ Соловьева А.М. Промышленная революция в России... С. 217.
- ³⁵ Курпрянова Л.В. Таможенно-промышленный протекционизм и российские предприниматели (40–80-е годы XIX века). М., 1994. С. 56, 77, 259–260.
- ³⁶ Goldsmith R.W. The Economic Growth of Tsarist Russia 1860–1913 // Economic Development and Cultural Change. Vol. 9. No. 3. P. 454–470.
- ³⁷ Gerschenkron A. The Rate of Growth in Russia: The Rate of Industrial Growth in Russia, Since 1885 // The Journal of Economic History. Vol. 7. Supplement: Economic Growth: A Symposium (1947). P. 150.
- ³⁸ Соловьева А.М. Промышленная революция в России... С. 269.
- ³⁹ Бовыкин В.И. Россия накануне великих свершений: к изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1988. С. 127–128.
- ⁴⁰ Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 326; Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия. М., 2008. С. 372, 378.
- ⁴¹ Статистико-документальный справочник министерства сельского хозяйства, индустрии и торговли. 34 правителя Гуансюй. Пекин, 1908. Кн. 5.
- ⁴² Liu Dajun. China's Industries and Finance. Peking, 1927. P. 91.
- ⁴³ См.: Булдаков В.П., Кабанов В.В. «Военный коммунизм»: Идеология и общественное развитие // Вопросы истории. 1990. № 3. С. 40–58.
- ⁴⁴ Женьминь Жибао. 1957. 13 ноября.
- ⁴⁵ Декреты СНК «О национализации всех крупнейших и средних промышленных предприятий», «О спекуляции», «Об организации снабжения населения всеми продуктами и предметами личного потребления и домашнего хозяйства», постановление ВСНХ «О национализации предприятий». См.: Собрание узаконений. 1918. № 47. С. 559; № 54. С. 605; № 83. С. 879; 1920. № 93. С. 512; Кудров В.М. Крах советской модели экономики. М., 2000. С. 42.
- ⁴⁶ Нормальный устав сельскохозяйственных производственных коммун. М., 1919. С. 4.
- ⁴⁷ Женьминь Жибао. 1958. 10 сентября.
- ⁴⁸ Там же. 30 сентября.
- ⁴⁹ В резолюции провозглашалось, что городская народная коммуна является «инструментом преобразования старого города и строительства нового социалистического города», «единым организатором производства, обмена и распределения, и организатором благосостояния народа, социальной организации соединения промышленности, сельского хозяйства, торговли, просвещения и военного дела и сочетания административной и хозяйственной власти». См.: Сборники избранных важных документов с момента создания КНР. Т. II. Пекин, 1995. С. 600.
- ⁵⁰ Ли Дуаньсян. Введение, вымирание кампании «коммунизации» города и исторический урок // Искание. 2004. № 7. С. 232–234.
- ⁵¹ См.: Собрание узаконений. 1919. № 1. С. 10–11; Карп Э. История Советской России: Большевицкая революция. 1917–1923. Т. 2. М., 1990. С. 523.
- ⁵² См.: Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. Систематический сборник важнейших декретов. 1917–1920 гг. С. 167, 172, 175, 266–267.
- ⁵³ Чжан Хюй. Финансовые волны в течение 60 лет Нового Китая: От централизации к национальной банковской системе // Перспективы Ньюсуик. 2009. 26 августа.
- ⁵⁴ См.: Карп Э. История Советской России... Т. 2. С. 584.

- ⁵⁵ См.: Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства... 1917–1920 гг. С. 69, 72.
- ⁵⁶ Там же. С. 267.
- ⁵⁷ *Ло Пинхан*. Анализ системы снабжения народных коммун // Исследование современной китайской истории. 2000. № 3. С. 38–46.
- ⁵⁸ Рукописи Мао Цзэдуна с момента создания КНР. Пекин, 1992. С. 627.
- ⁵⁹ См.: Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства... 1917–1920 гг. С. 94.
- ⁶⁰ *Томашевский К.Л.* Очерки трудового права (история, философия, проблемы систем и источников). Минск, 2009. С. 39.
- ⁶¹ Жэньминь Жибао. 1958. 19 декабря; *Ло Пинхан*. История народных коммун в деревнях. Фучжоу, 2003. С. 51.
- ⁶² Там же. 1 января; *Бо Ибо*. Ретроспективный взгляд о ряде важных решений и событий. Т. 2. Пекин, 1993. С. 693–696; *Се Чуньтао*. Волна «большого скачка». Хайкоу, 1990. С. 25.
- ⁶³ *Се Чуньтао*. Указ. соч. С. 76.
- ⁶⁴ Жэньминь Жибао. 1958. 1 сентября.
- ⁶⁵ Мера площади, равная $1/15$ га.
- ⁶⁶ Жэньминь Жибао. 1958. 27 августа.
- ⁶⁷ Современная экономическая реформа Китая. Пекин, 1984. С. 70–77.
- ⁶⁸ Жэньминь Жибао. 1958. 23 декабря.
- ⁶⁹ *Ма Циню*. Мысли о глубокой мотивации «большого скачка» // Пекинская партийная история. 1994. № 6. С. 37–41.
- ⁷⁰ См.: *Юй Лян Цзао*. Правильное понимание оценок «военного коммунизма» Лениным: Обсуждение популярной точки зрения // Цзянхань Форум. 2000. № 9. С. 73–78; *Цюй Ян Минь*. «Военный коммунизм»: Идеология или образ выживания // Сборник ежегодного совещания Общества истории китайского коммунистического движения. 2007. С. 173–178; *Ие Шучжэнн, Ван Саде*. К вопросу о ленинизме и «военном коммунизме» // Всеобщая история. 1982. № 2. С. 68–72; *Се Ююньши*. «Военный коммунизм» есть род заслуги // Там же. 1981. № 1. С. 75–78; *Мау В.А.* Реформы и догмы. 1914–1929. М., 1993.
- ⁷¹ *Цзян Ихуа*. Ленинизм и «военный коммунизм» // Вестник Фуданьского университета. Сер.: Социальные науки. 1981. № 1. С. 12–20; *Цзян Чаньбинь*. Исследование системы «военного коммунизма» и мысли прямого перехода // Исследование России, Восточной Европы и Центральной Азии. 1987. № 2. С. 30–39; *Е Бохуа*. Военный коммунизм и мысли Ленина об экономическом развитии // Вестник Сучжоуского университета. Сер.: Философия и социальные науки. 1911. № 4. С. 6–11; *Павлюченков С.А.* Крестьянский Брест или предыстория большевистского НЭПа. М., 1996; *он же*. Военный коммунизм в России: Власть и массы. М., 1997; *Саква Р.* Переосмысливая «военный коммунизм» // Гражданская война в России: Перекресток мнений. М., 1994. С. 133–167; *Ноув А.* Военный коммунизм: Почему? Зачем? // Там же. С. 168–173; *Телицын В.Л.* Сквозь тернии «военного коммунизма»: Крестьянское хозяйство Урала в 1917–1921 гг. М., 1998.
- ⁷² Жэньминь Жибао. 1955. 8 июля.
- ⁷³ Там же. 1959. 14 апреля.
- ⁷⁴ *Шэнь Чжихуа*. Реакция СССР на «большой скачок», народные коммуны и ее результаты – дальнейшие размышления о начале советско-китайского раскола // Материалы истории КПК. 2003. № 1. С. 118–139; *Чжао Фукэ, Ли Энчжэнь*. Анализ фактора Советского Союза в кампании «большого скачка» // Академические дисциплины. 2006. № 4. С. 111–114; *они же*. Анализ международных факторов введения «большого скачка» // Там же. 2001. № 1. С. 80–82.
- ⁷⁵ *Инь Шубо*. Недостатки политической системы Китая, введение и продолжение «большого скачка» // Хэнаньская социальная наука. 1999. № 6. С. 33–35; *Ли Жоцзянь*. Влияние фактора экономической системы на «большой скачок» и «трудные времена» // Открытая эра. 2001. № 8. С. 86–90; *Цзэн Хонглу*. Анализ исторических причин введения «большого скачка» // Вестник Нанкинского университета. Сер.: Философия, гуманитарные и социальные науки. 1998. № 4. С. 73–78.
- ⁷⁶ *Яо Гуйжун*. Обзорение о социальных и психологических причинах кампании «большого скачка» // Вестник Сянганьского университета. Сер.: Философия и социальные науки. 2007. № 2. С. 132–135; *Гоо Чиронг*. Обзорение о исследованиях причин «большого скачка» за последние десять лет // Исследования и обучения истории. 2004. № 5. С. 93–96; *Ли Жоцзянь*. Социальные основы «большого скачка» // Вестник Чжуншаньского университета. Сер.: Социальные науки. 2000. № 4. С. 41–46.

⁷⁷ Ло Чуни. Политическая среда в начале введения «большого скачка» // Исследование социализма. 1999. № 5. С. 32–36; Го Дэхун. Мысли о нескольких спорных вопросах в исследованиях отечественной истории // Ежемесячный журнал истории. 2002. № 2. С. 72–78; Чжэн Мэндон. Суждение о понимании и практике субъективной инициативы Мао Цзэдуном // Вестник Пекинского педагогического университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2000. № 5. С. 37–45.

⁷⁸ Ли Сянчянь. Мое мнение о исторических причинах «большого скачка» // Исследование истории КПК. 1995. №1. С. 29–36; Джэу Дит. Обсуждение происхождения «большого скачка»: Обзор соответствующих суждений в «Кембриджской истории КНР» // Исследование истории КПК. 2001. № 1. С. 62–67.

⁷⁹ Семьдесят лет КПК. Пекин, 1991. С. 360–361; Ло Чуни, Чэнь Лин. Анализ организационной среды в начале кампании «большого скачка» // Социалистические исследования. 2006. № 2. С. 2–55; Ху Цзиньинь. Кампания против правых и развитие мысли «левого уклона» внутри партии // Вестник Гуичжоуского университета. Сер.: Социальные науки. 1995. № 4. С. 9–14.

⁸⁰ «Кремлинологией» (Kremlinology) называется метод исследования сути, побуждений, принципов и методов принятия решений партийной и государственной верхушкой, используемый странами Запада для изучения Советского Союза и фашистской Германии, а также «большого скачка» в Китае. В рамках этого метода исследователи стараются найти в официальных опубликованных материалах, которые расцениваются как пропагандистские и недостоверные, скрытую информацию.

⁸¹ См.: *Chao Kuochun. Leadership in the Chinese Communist Party* // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1959. Vol. 321. № 1. С. 40–50.

⁸² См.: *Blecher M.J. China Against the Tides: Restructuring Through Revolution, Radicalism, and Reform*. L.; N.Y., 2003. P. 202.; *Kautsky J.H. Revolutionary and Managerial Elites in Modernizing Regimes* // Comparative Politics. 1969. Vol. 1. № 4. P. 441–467; *Prybyla J.S. The Political Economy of Communist China*. Scranton (Pa), 1970; *MacFarquhar R. The Origins of the Cultural Revolution: The Great Leap Forward 1958–1960*. N.Y., 1983; *Byung-joon Ahn. Chinese Politics and the Cultural Revolution: Dynamics of Policy Processes*. Seattle, 1976. P. 15–16; *Satya J.G. The Structure of a Post-Revolutionary Economic Transformation: The Chinese Economy from the 1949 Revolution to the Great Leap Forward* // Satya Gabriel's online Papers: China Essay Series. <http://www.mtholyoke.edu/courses/sgabriel/economics/china-essays/3.html>; *Nitin Khot. Maoism in Extremis. Liuism in Command: Economic Modernization as Strategy in Class Struggle in China* // China Report. 1979. Vol. 15. № 4. P. 53–80.

⁸³ См.: *Hinton H.C. Intra-Party Politics and Economic Policy in Communist China* // World Politics. 1960. Vol. 12. № 4. P. 509–524.

⁸⁴ См.: *Skinner G.W., Winckler E.A. Compliance Succession in Rural Communist China: A Cyclical Theory in Etzioni Amitaied (ed.), A Sociological Reader on Complex Organizations*. N.Y., 1980. P. 401–423; *Brugger B. Contemporary China*. N.Y., 1977. P. 15, 149–196; *idem. China, Liberation and Transformation, 1942–1962*. Totowa (N.J.), 1981. P. 266; *Chang P.H. Power and Policy in China*. University Park, 1978.

⁸⁵ См.: *Bachman D.M. Bureaucracy, Economy, and Leadership in China: The Institutional Origins of the Great Leap Forward*. Cambridge, 1991.

⁸⁶ См.: *Teiwes F.C., Sun W. China's Road to Disaster: Mao, Central Politicians, and Provincial Leaders in the Unfolding of the Great Leap Forward, 1955–1959*. Armonk, 1999; *Chan A.L. Mao's Crusade: Politics and Policy Implementation in China's Great Leap Forward*. Oxford; N.Y., 2001; *Thaxton R.A. Catastrophe and Contention in Rural China: Mao's Great Leap Forward Famine and the Origins of Righteous Resistance in Da Fo Village*. Cambridge, 2008. P. 325.

⁸⁷ См.: *Stephen A. China's Industrial Revolution: Politics, Planning, and Management, 1949 to the Present*. N.Y., 1977; *Joffe E. Between Two Plenums: China's Intraleadership Conflict, 1959–1962*. Ann Arbor, 1975. P. 4–5; *Chesneaux J. China: the People's Republic, 1949–1976*. N.Y., 1979. P. 83–85.

⁸⁸ См.: *Tang A.M. Comments* // China in Crisis. Vol. 1. China's Heritage and the Communist Political System. Chicago, 1968. P. 674–676; *idem. Policy and Performance in Agriculture* // Economic Trends in Communist China. Chicago, 1968. P. 503–504.

⁸⁹ См.: *Thornton R.C. China, the Struggle for Power, 1917–1972*. Bloomington, 1973. P. 239–242; *idem. China, a Political History, 1917–1980*. Colorado (Boulder), 1982. P. 247–250; *Kojima R. Development of the Ideas of the Great Leap Forward after the Cultural Revolution* // The Developing Economies. 1971. Vol. 9. № 4. P. 577–598; *Christensen T.J. Useful Adversaries: Grand Strategy Domestic Mobilization, and Sino-American Conflict, 1947–1958*. Princeton, 1996. P. 204–212.

⁹⁰ См.: *Domenach J.L., Berret A.M. The Origins of the Great Leap Forward: The Case of One Chinese Province*. Boulder (CO), 1995.

⁹¹ См.: *Tetsuya K.* Political Theory of the Great Leap Forward // *Social Research*. 1969. Vol. 36. № 1. P. 93–122.

⁹² См.: *Selden M.* The People's Republic of China: A Documentary History of Revolutionary Change. N.Y., 1979. P. 73–74; *Frolic B.M.* Reflections on the Chinese Model of Development // *Social Forces*. 1978. Vol. 57. № 2. P. 384–418; *Solomon R.H.* Mao's Revolution and the Chinese Political Culture. Berkeley, 1971. P. 341–343.

⁹³ См.: *Tang Tsou.* Revolution, Reintegration and Crisis in Communist China: A Framework for Analysis. // *China in Crisis*. Vol. 1. China's Heritage and the Communist Political System. Chicago, 1968. P. 307, 314.

⁹⁴ См.: *Baum R.D.* «Red and Expert»: The Politico-Ideological Foundations of China's Great Leap Forward // *Asian Survey*. 1964. Vol. 4. № 9. P. 1048–1057.

⁹⁵ Экономическое планирование в СССР. М., 1967. С. 293.

⁹⁶ Сборник статистических материалов пятидесяти лет Нового Китая. Пекин, 1999. С. 95, 108.

⁹⁷ О количестве умерших от голода во время Большого скачка в научном сообществе Китая существуют разногласия. Наиболее достоверными являются оценки, опирающиеся на данные переписей 1953, 1964, и 1982 г. и переписи рождаемости 1982 г. По расчетам Цзян Чжэнхуа и Ли Нана, «общее количество неестественных смертей в течение трех трудных лет около 17 млн» (См.: *Цзян Чжэнхуа, Ли Нан.* Идентификация параметров динамики населения Китая // Демографическая наука Китая. 1987. № 1. С. 56–63; *они же.* Коррекция параметров динамики населения Китая // Вестник Сианьского транспортного университета. 1986. № 3. С. 46–64; *они же.* Методы и результаты оценки динамики населения Китая // Население Китая. Ежегодник. 1987. Пекин, 1989. С. 94–106. По расчетам А. Козла, в 1958–1963 гг. количество неестественных смертей в Китае составило около 27 млн человек. (*Coale A.* Rapid Population Change in China. 1952–1982. Washington (D.C.), 1984). Б. Эштон полагает, что в 1958–1962 гг. умерших от голода в Китае было около 30 млн человек (*Ashton B., Hill K., Pizza A., Zeitz R.* Famine in China. 1958–1961 // *Population and Development Review*. 1984. Vol. 10. № 4. P. 613–645). Ли Чэнжи скорректировал расчеты Козла до 22 млн человек (*Ли Чэнжи.* Вызванные «большим скачком» демографические изменения // Исследование истории КПК. 1997. № 2. С. 1–14). Таким образом, умерших от голода в Китае насчитывается в пределах 17–30 млн.

⁹⁸ *Чэнь Донлин.* «Стихийные бедствия трех лет» и «большой скачок» – измеримое историческое исследование отношения «стихийных бедствий» и «искусственных бед» // Материалы истории КПК. 2000. № 4; *он же.* Исследование «стихийных бедствий трех лет» с точки зрения экономического упадка // Исследование современной китайской истории. 2004. № 1. С. 83–93; *Чжан Хэйдон, Ли Цинсян.* Анализ и оценка климата Китая в 1959–1961 гг. // Там же. 94–100.

⁹⁹ См.: *Цзинь Хюй.* Три года благоприятного климата – метеорологическое и гидрологическое изучение 1959–1961 гг. // *Метод*. 1998. № 3.

¹⁰⁰ *Chang G.H., Wen G.J.* Communal Dining and the Chinese Famine of 1958–1961 // *Economic Development and Cultural Change*. 1997. Vol. 46. № 1. P. 1–34; *idem.* Food Availability Versus Consumption Efficiency: Causes of the Chinese Famine // *China Economic Review*. 1968. Vol. 9. № 2. С. 157–166.

¹⁰¹ *Син И, Гэ Лин.* Анализ продовольственной политики, приведшей к различной степени голода между городом и деревней // Исследование истории КПК. 2008. № 3. С. 83–89.

¹⁰² *Лю Юань.* Кампания «большого скачка» и голод 1958–1961 гг. в Китае – государство, коллектив и крестьяне под тоталитарной системой // *Экономика (ежеквартальник)*. 2010. Vol. 9. № 3. С. 1119–1142; *он же.* Споры о причинах голода «большого скачка» в Китае с точки зрения политической власти // Там же. С. 1177–1188.

¹⁰³ См.: *Xiaobo Lu.* Cadres and Corruption: The Organizational Involvement of the Chinese Communist Party. Stanford, 2000.

¹⁰⁴ Маркс и Энгельс на основе изучения истории и реальности стран Востока выдвинули гипотезу, что в экономически и культурно отсталых странах при определенных исторических условиях возможен непосредственный переход к социализму без прохождения капиталистической формации (по выражению Маркса, «кавказских ущелий капитализма») // *Маркс и Энгельс.* Избранные произведения. Т. 3. Пекин, 1995. С. 765.

¹⁰⁵ *Дэн Сяопин.* Избранные произведения. Т. 3. Пекин, 1993. С. 373.

¹⁰⁶ *Цзинь Янь.* О причинах долгосрочного застоя в российском сельском хозяйстве // Сопоставление экономических и социальных систем. 1996. № 4.

¹⁰⁷ См.: *Майминас Е.* Российский социально-экономический генотип // *Вопросы экономики*. 1996. № 9.

¹⁰⁸ *Шубин А.В.* Золотая осень, или период застоя. СССР в 1975–1985 гг. М., 2007. С. 316.